Устное повѣствованіе

бывшаго запорожца,

жителя Екатеринославской губерніи и уѣзда, селенія Михайловки

Никиты Леонтьевича Коржа

Одесса

1842

УСТНОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ,

БЫВШАГО ЗАПОРОЖЦА,

ЖИТЕЛЯ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ И УѢЗДА, СЕЛЕНІЯ МИХАЙЛОВКИ,

НИКИТЫ ЛЕОНТЬЕВИЧА

КОРЖА.

ОДЕССА.

ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было число экземпляровъ въ Цензурный Комитетъ Одесса. 1842 года.

Цензоръ К. *Зеленецкій*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ журналѣ, издаваемомъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, въ книгахъ V-й 1838 и II-й 1839 годовъ, о Запорожскихъ козакахъ было помѣщено нѣсколько отрывковъ, подъ названіемъ: « Изустныя преданія о Новороссійскомъ краѣ. » *Источникъ, изъ котораго почерпнуты преданія сіи, — бывшій Запорожецъ Никита Леонтьевичъ Коржъ, жившій не менѣе ста четырехъ лѣтъ.*

Когда Коржевы преданія столь счастливы, что они обратили на себя благосклонное вниманіе ученыхъ Обществъ и просвѣщенныхъ мужей, въ особенности любящихъ отечественную исторію: то мнѣ показалось, что Коржу чести, а ученымъ Обществамъ и мужамъ просвѣщеннымъ удовольствія тѣмъ болѣе будетъ, если преданія старца издадутся въ оригинальномъ его тонѣ, т. е. въ тѣхъ самыхъ словахъ, выраженіяхъ, оборотахъ, словомъ, въ томъ самомъ разсказѣ, какимъ они вылились изъ устъ самаго автора. Мысль моя коснулась здѣсь и лестной моей Одес-

скому Историческому Обществу, чрезъ именованіе членомъ онаго, принадлежности, изъ которой вытекаетъ непремѣнная обязанность, дѣйствовать. Симъ убѣдясь, я и рѣшился, издать Коржевы преданія въ оригинальномъ его тонѣ, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ примѣчаній и объясненій.

Но какъ они въ этомъ тонѣ попались мнѣ въ руки? Отвѣтъ кратокъ: прежде однако обязываюсь, вспомянуть почтеннаго моего сотрудника, Преосвященнаго Іакова Епископа Саратовскаго. Оба мы, каждый въ своемъ званіи и должностяхъ, жили съ 1828 года по 1831 годъ въ Екатеринославѣ, гдѣ бесѣдовалъ съ нами и Никита Леонтьевичъ Коржъ. И такъ, онъ раскасывалъ старое Запорожское свое житье-бытье, а мы слово въ слово записывали. И когда соединили между собою отрывки: вышла книжица.

Исполненный долготою мирныхъ дней Никита Леонтьевичъ скончался въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1835 года, сдѣлавшись больнымъ отъ простуды, которую получилъ, занимаясь зборомъ доброхотныхъ подаяній на новостроившуюся съ селѣ Михайловкѣ деревянную

церковь, вмѣсто бывшей тутъ, но отъ молніи сгорѣвшей. Содѣйствіемъ Коржа церковь въ Михайловкѣ дѣйствительно возстановилась; и при подножіи олтаря ея ищи преданій источника, кому онъ пріятенъ *). *Жилъ онъ въ с. Михайловкѣ, въ собственномъ своемъ домѣ, который доставшись ему отъ его предковъ, чистыхъ Запорожцевъ, и самъ собою, т. е. и старостью своею, и видомъ крайне занималъ всѣхъ проѣзжихъ тѣмъ селомъ, простыхъ и знатныхъ людей, изъ коихъ многіе потому у Коржа и ночлегъ весьма часто имѣли. Слѣдовательно не безнадежно, что усопшій, многолѣтній старикъ сей, кромѣ воспоминанія о немъ на землѣ, не лишается, за любовь къ ближнимъ своимъ, за страннопріимство, славы и на Небеси. Въ лонѣ Авраама, отца вѣрующихъ, вѣроятно покой его. По крайней мѣрѣ да будетъ ему сіе, мы, оставшіеся здѣсь, да воспросимъ отъ Господа Вседержителя.*

Мѣстоположеніе всего вообще, старозаведеннаго, въ Михайловкѣ, жилища Коржева

*) Въ Исторіи «Новой-Сѣчи» г. Скальковскаго, относительно сего обстоятельства имѣется ошибка. См. предисловіе стр. VI.

довольно замѣчательно для любопытныхъ. Оно, будучи обсажено вѣковыми деревьями и кругомъ обтекаемо рѣчкою, тонкою, почти какъ нить и извивающеюся, какъ плющъ около древа, образуетъ собою совершенный островъ. Нѣкто изъ проѣзжавшихъ снялъ съ сего мѣста картинку, и прибавилъ къ ней слѣдующій, изъ пѣсни Запорожской, отрывокъ, всегда, подъ веселый часъ, Никитою Леонтьевичемъ пѣтый:

Ой сичь маты,
Ой сичь маты;
У лузи заробиты,
А въ Сичи пропиты.

Льщусь надеждою, что книжица сія не неудостоится того точно благосклоннаго просвѣщенныхъ мужей вниманія, коего ожиданіемъ я поощренъ былъ къ ея изданію. Впрочемъ, если сего и не будетъ: я утѣшусь, вспомнивъ сказанное однимъ изъ древнихъ: si non feras, tamen ceras т. е. (не по буквальному переводу) если книжица и неудостоена вниманія, по крайней мѣрѣ она непропала; и Коржевы подлинныя устныя преданія не исчезли.

Гавріилъ, А. Х. и Т.

16 Мая 1842 года.

УСТНОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ,

БЫВШАГО ЗАПОРОЖЦА, ЖИТЕЛЯ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ И УѢЗДА, СЕЛЕНІЯ МИХАЙЛОВКИ,

НИКИТЫ ЛЕОНТЬЕВИЧА КОРЖА.

I.

О ЖИЗНИ Н. Л. КОРЖА.

Я уроженецъ Новыхъ-Кодакъ, въ кои зашли мои предки на жительство изъ Малоросіи т. е. изъ Гетманщины, что нынѣ Полтавкой губерніи городъ Кобѣляки. 1-й изъ нихъ былъ прадѣдъ Василій Жаданъ по фамиліи, жилъ на свѣтѣ 85 лѣтъ; 2-й, дѣдъ Тарасій Жаданъ, жилъ на свѣтѣ 89 лѣтъ, и предъ смертію за полтора года ослѣпъ, его я довольно помню и вожу бывало за руку, по причинѣ его слѣпоты; 3-й, отецъ мой Леонтій фамиліею не Жаданъ, но Таранъ, такое прозваніе получилъ онъ отъ куреня Запорожскаго, и жилъ на свѣтѣ 115 лѣтъ, а мать звали Маріею, которая также померла въ глубокой

старости и погребена въ моемъ саду, гдѣ нынѣ мое теперь жительство. Всѣ оные мои предки находились по смерть въ Новыхъ-Кодакахъ безотлучно, жили добродѣтельно и благочестиво по Христіанскому обряду; занимались хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ и рыбною ловлею, а иногда и звѣриною охотою. Ибо тогда во время Запорожья, вездѣ надъ Днѣпромъ, съ обѣихъ сторонъ были сильные и густые лѣса, и разнаго рода дикихъ звѣрей великое множество, о чемъ и я еще довольно помню. Родился я въ томъ-же мѣстечкѣ — Новыхъ-Кодакахъ въ 1731 году Мая 30 дня, и проживши при родителяхъ моихъ въ младенчествѣ до 7 лѣтъ, взятъ былъ на воспитаніе крестнымъ моимъ отцомъ Яковомъ Емельяновичемъ Качаловымъ въ Сѣчь, въ которой онъ былъ тогда Старшиною т. е. Полковникомъ и Есауломъ Войсковымъ, а зимовникъ свой со скотоводствомъ имѣлъ при рѣкѣ Сухой-Сурѣ, гдѣ нынѣ я проживаю, и на томъ самомъ мѣстѣ, и въ той самой хатѣ, которую самъ крестный отецъ мой выстроилъ, и которая хата до сего времени существуетъ, безъ всякой перестройки гораздо уже болѣе 100 лѣтъ. Она построена съ липоваго дерева рѣзанаго, и вся рубленная, пространствомъ небольшая, безъ всякихъ пристроекъ кромѣ сѣней. Около сей хаты въ древности были терновые кусты, и небольшое расло берестовое дерево, гдѣ нынѣ высокій

лѣсъ и садъ моими трудами разведенный. Отецъ мой крестный былъ холостъ и отъ юности не женатъ, который по атакованіи уже Сѣчи былъ пожалованъ отъ короны приміеръ-маіоромъ, жилъ на свѣтѣ 101 годъ. Я находился при немъ неотлучно по смерть его; а погребенъ онъ въ Новыхъ-Кодакахъ. Женился я еще за жизнь его, тоже въ Кодакахъ, на дѣвицѣ Парасковьѣ. Дѣтей имѣлъ: 7 сыновей и 4 дочери, изъ коихъ нѣкоторые померли. Внуковъ имѣю 18 душъ, да правнуковъ 4 души, и всѣ они еще живы. Жена моя померла за 40 уже лѣтъ тому назадъ. Съ молодыхъ моихъ лѣтъ до женитьбы былъ я въ разныхъ послушаніяхъ у крестнаго моего отца, какъ въ Сѣчи при куринѣ, такъ и въ зимовникѣ по его хозяйству; а послѣ женитьбы занимался я и самъ хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и садоводствомъ, и разными пристойными занятіями по хозяйству; а нынѣ уже оное хозяйство и всѣ оные хлопоты домашнія поручилъ дѣтямъ, а занимаюсь только однимъ пчеловодствомъ подъ старость, да и то уже изнемогаю и преклоняюся къ землѣ, отъ неяже взятъ быхъ, и явѣ уже есть, яко скоро въ ню подобаетъ ми возвратитися и преселитися къ предкамъ. Обаче не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Запорожскія, а прежде всего скажу о Михайловкѣ, въ коей я былъ осадчимъ и повѣреннымъ за землю; а потомъ буду говорить о Запорожской Сѣчи, о Екатеринославѣ, о Самарѣ и о прочихъ мѣстахъ

и происшествіяхъ здѣшней украйны. Что-же касается до прозванія моего, отъ чего я называюся Коржемъ, о томъ упомянуто будетъ ниже, при описаніи Запорожскихъ обычаевъ.

II.

О НАЧАЛѢ СЕЛЕНІЯ МИХАЙЛОВКИ.

По смерти крестнаго моего отца Якова Качалова, когда я остался самъ на его жительствѣ; то въ то время и на томъ самомъ мѣстѣ, не было никого изъ сосѣдовъ; а потомъ тамъ начали мало-по-малу населяться люди изъ разныхъ мѣстъ и селеній, то мѣсто называли «вольными великими хуторами», что и продолжалося черезъ нѣсколько лѣтъ, до послѣдованія именнаго указа въ 1800 году, коимъ велѣно хутора уничтожить, а жителей хуторянскихъ собрать въ одно мѣсто и поселить при трактовыхъ дорогахъ, и отнюдь не называть вольными хуторами, но селеніями. О каковомъ предметѣ т. е. объ утвержденіи и о наименованіи селенія въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я нынѣ нахожусь, по данной мнѣ отъ 3-хъ селеній: Кодака, Діевки и Сухачевки довѣренности, поелику изъ сихъ селеній населилися большею частію и хутора, подавалъ я просьбу въ Екатеринославскую казенную палату. Палата разсмотрѣвши мою просьбу, и освидѣтельствовавши чрезъ члена оной казенной палаты,

ассесора Мартина Коваленка, мѣстоположеніе вольныхъ хуторовъ, и нашедши оное выгоднымъ и способнымъ для селенія, мѣсто утвердила и предписала указомъ волостному Діевскому правленію, о безпрепятственномъ населеніи около меня жителей. И когда умножилося селеніе, то по вторичной моей просьбѣ о наименованіи селенія, казенная палата опять того-же чиновника Коваленка откомандировала; и когда прибывши чиновникъ въ мой домъ и собравши все общество въ сходку, началъ по ряду всѣхъ спрашивать какимъ именемъ хотятъ они назвать свое селеніе? то иные сказали пусть будетъ Качаловивка! на имя первобытнаго здѣсь жителя Качалова, крестнаго отца Коржева. — А другіе то отрицали и говорили: нѣтъ! пусть будетъ Корживка, на имя повѣреннаго нашего Никиты Леонтьевича Коржа, поелику онъ первый по Качаловѣ житель и ходатай, какъ за сію землю, такъ и за прочія наши дѣла. Но я нехотя имѣть въ сей жизни славы и почестей, какъ себѣ, такъ и крестному моему отцу, а ожидая и желая оную получить въ жизни будущей, воспрепятствовалъ всѣмъ общественнымъ голосамъ и отнюдь на желаніе и приговоръ ихъ несогласился. Въ слѣдствіе чего, видя чиновникъ г. Коваленко между нами несогласіе, изволилъ предложить всему обществу слѣдующее свое мнѣніе: послушайте г-да почтенное общество! если вы несогласны утвердить ни того ни другаго разногласнаго ва-

шего мнѣнія на счетъ названія селенія урочнымъ именемъ, то пускай будетъ селеніе ваше названо Михайловкою, на имя Государя Великаго Князя Михаила Павловича! на что всѣ съ радостію и согласились — и когда о семъ отрапортовано было чрезъ г. чиновника, казенной палатѣ, то оная утвердивши общее наше мнѣніе, предписала паки указомъ волостному правленію, дабы опубликовало всѣмъ сборнымъ избамъ объ утвержденіи и о названіи вольныхъ хуторовъ селеніемъ Михайловкою. Потомъ, когда гг. сосѣдніе помѣщики Петръ Петровичъ Папчинскій, бывшій тогда въ Кременчугскомъ губернскомъ правленіи секретаремъ и Алексѣй Ивановичъ Верминка, капитанъ изъ бывшихъ Запорожцевъ, завладѣли нашею казенною землею самоправно: Папчинскій отмежевалъ 3,000 десятинъ, а Верминка 1,500 десятинъ, и поелику Сухую-Суру занялъ Папчинскій, а Мокрую — Верминка, то казенныхъ поселянъ Кодачанъ и Діевцевъ, равно и Михайловскихъ жителей такъ утѣснили помѣщики, что до рѣкъ Суръ вовся не было ни какого водопоя для скота; а меня совсемъ вытѣснили и выгнали изъ моего жилища и поселили въ дворѣ моемъ 8 семействъ своихъ крестьянъ, Папчинскій-же на своемъ участкѣ земли, у насъ отнятой, поселилъ двѣ слободы и тогда я скитался по чужимъ дворамъ съ малолѣтними дѣтьми сиротами, оставшимися отъ покойной жены моей. По каковымъ причинамъ,

какъ я, такъ и прочіе поселяне Кодачане и Діевчане и Михайловскіе жители бывъ въ крайней обидѣ, вынудились собраться въ общую сходку и положить совѣтъ о выборѣ повѣреннаго, для ходатайства по судамъ за казенную землю, поступившую въ постороннія руки. И такъ общимъ совѣтомъ за всѣми моими отговорками, упросили меня быть повѣреннымъ не только за землю, но и за всѣ общественныя дѣла, какія-бы ни случились въ нихъ. На что я получивши довѣренность отъ нихъ, началъ ходатайствовать по оной, отъ нижнихъ судовъ и до высшихъ присутственныхъ мѣстъ. Но не получая отъ нихъ ни какого удовлетворенія на мои аппелляціонныя жалобы, чрезъ долгое время, и за всѣми моими иждивеніями и убытками, вынужденъ уже утруждать моею просьбою г-дъ ревизоровъ: Кушелева и Алексѣева, кои по возшествіи на престолъ Государя Павла I, присланы были въ то время въ Екатеринославъ. Они принявши отъ меня прозьбу, тотчасъ предписали Екатеринославскому губернскому правленію, дабы я съ моими вѣрителями, по силѣ моей прозьбы былъ удовольствованъ, что вскорѣ было и учинено, и земля наша отъ г. Папчинскаго была возвращена и слободы его съ нашей земли, были переведены на его землю. Но участокъ земли, находившійся въ рукахъ г. Верминки еще не былъ возвращенъ по той причинѣ, что онъ Верминка, за всѣми рѣшеніями ревизоровъ и

губернскаго правленія, обстаивалъ оную землю своими прозьбами еще и въ правительствующемъ сенатѣ, а потому, какъ за сію Верминкину землю, такъ и за Кодацкую, которая занята была тогда подъ городъ, а также и за вольную продажу горячаго вина, по силѣ откупа подавалъ я чрезъ почту Государю на Высочайшее имя двѣ прозьбы съ ряду, но не получая на оныя ни какого извѣстія и рѣшенія чрезъ двугодичное протеченіе, рѣшился самъ лично побывать съ довѣренностію въ Москвѣ и въ Санктпетербургѣ. Прибывши въ Москву *), явился я въ 1-й департаментъ сената, гдѣ и получилъ за Верминкину землю рѣшительное удовлетвореніе въ пользу моихъ вѣрителей. А потомъ отправился въ Санктпетербургъ на счетъ Кодацкой земли, присоединенной къ городу, а также и за винный откупъ, по прежнимъ поданнымъ мною Государю прозьбамъ, и явился къ господину Муравьеву, докладчику Его Импе-

*) По случаю пребыванія своего въ Москвѣ, Коржъ разсказывалъ многіе о себѣ, весьма забавные анекдоты. Напримѣръ: по природному любопытству своему онъ вздумалъ вымѣрять тамъ всѣмъ извѣстную, самую большую, въ Кремлѣ находящуюся пушку. И такъ взявъ веревку, не смотря ни на холодъ ни на глубокій тогдашній снѣгъ, къ ней и отправился. Но, добравшись, когда началъ пушку мѣрять, тотчасъ усмотренъ былъ караульными солдатами; взятъ и отведенъ на гаубвахту. Принявъ его за соглядатая, тутъ дѣлали ему разныя допросы. Изъ всѣхъ однакожъ опытовъ, когда открылось, что онъ не другое что, какъ простой Запорожскій козакъ, остроумный впрочемъ и замысловатый: тогда сомнѣніе обратилось въ общій смѣхъ, чрезъ который Коржъ извѣстенъ сдѣлался и другимъ въ Москвѣ мѣстамъ и лицамъ, къ немалой пользѣ касательно цѣли пребыванія его тамъ.

раторскаго Величества, который отыскавши мои прозьбы, безъ надлежащаго хода, до прибытія моего находившіяся, поднесъ Государю; а Государь помѣтя оныя отослалъ сенату на разсмотрѣніе, потомъ сенатъ, рѣша оное дѣло, предоставилъ на волю Кодацкимъ жителямъ, жить на городской землѣ и пользоваться одними правами и выгодами, которыя зависятъ по земству; о чемъ предписано было и военному губернатору Дюку Ришелье, а мнѣ выдана была копія рѣшенія, дабы я съ оною явился къ Екатеринославскому губернатору г. Берту. Что-же касается до виннаго откупа, то въ томъ мнѣ было отказано по той причинѣ, что контракты уже были заключены и утверждены; и велѣно мнѣ сказать, что если-бы я прибылъ туда-же раньше т. е. за мѣсяцъ или два предъ тѣмъ, то могъ-бы безъ труда получить свое удовольствіе и Государь въ томъ-бы уважилъ. И такъ я возвратясь изъ столицы за Божіею помощію, съ успѣхомъ прибылъ въ домъ свой благополучно и заслужилъ отъ вѣрителей моихъ благодарность и уваженіе, не себѣ одному, но и потомству моему.

III.

О ЗАПОРОЖСКОЙ СѢЧИ.

Когда именно и съ какихъ временъ Запорожье восприяло свое начало; о томъ достовѣрно

утвердить немогу, но когда мои предки зашли на жительство въ сію украйну, то въ тѣ поры оное уже существовало и по устному ихъ преданію чрезъ прадѣда, дѣда и отца моего дошло и до меня свѣденіе, что оные Запорожцы въ древніе времена назывались Козарами. Поелику ихъ главное жительство было надъ Днѣпромъ пониже пороговъ, то и названы уже послѣ того чрезъ Гетмана Хмельницкаго, Запорожцами, и хотя они жили подъ державою Россійскою во времена блаженной памяти Петра Великаго, но относились всѣми дѣлами своими до Хмельницкаго, а Россія до распоряженій ихъ, дѣла никакого не имѣла; Хмельницкій же Гетманъ имѣлъ тогда свое правительство въ Гетманщинѣ и командовалъ всѣми Гетманскими полками, состоявшими изъ Малороссійскихъ козаковъ, вмѣсто бывшаго измѣнщика Гетмана Мазепы *). Земля Запорожская распространялась по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, граничила она съ юго-западной стороны вверхъ по Днѣпру, отъ рѣки Буга, по рѣку Случь, смѣжно съ Польскою границею, а въ низъ по Днѣпру простиралась до великаго Лимана, гдѣ нынѣ Херсонъ и Николаевъ, съ сѣверо-восточной-же стороны тоже вверхъ по Днѣпру простиралась она до рѣки Орели, которая впала въ Днѣпръ, около мѣстечка Китай-

*) Здѣсь авторъ преданій впадаетъ въ анахронизмъ. Послѣ Мазепы Гетманствовалъ не Хмѣльницкій а Скоропадскій. См. Исторію Малой Россіи. М. 1822. Томъ IV, стр. 3 и 4.

города; за Орелью-же начиналась граница Гетманская, а въ низъ простиралась она по рѣку Конку, противу бывшей Сѣчи и граничила съ Донскими Козаками и Крымскими Ногайцами.

Сѣчь, по всей Запорожской землѣ была тогда за моей памяти только одна; въ ней было главное Запорожское правительство подобно какъ въ Столицѣ. Она имѣла непремѣнное свое пребываніе надъ рѣчкою Подпольною, недалече отъ Днѣпра, которая Подпольная и впала въ Днѣпръ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь селеніе Покровское, названіе получившее отъ Покровской Запорожской церкви, которая и донынѣ еще существуетъ. — Подпольная рѣчка такъ глубока, что лодки Запорожскія проходили ею въ Днѣпръ, а Днѣпромъ въ лиманъ, а изъ лимана въ Черное море, а такъ же и Греческіе лодки съ бакаліею и прочими товарами приходили симъ же путемъ до Сѣчи, но далѣе пройти немогли Днѣпромъ по причинѣ пороговъ. Въ Сѣчи Запорожской было 40 куриней и 40 Отамановъ и каждый Отаманъ распоряжалъ своимъ куринемъ: а во всякомъ куринѣ щиталось военныхъ козаковъ 1000, а въ иномъ куринѣ было и больше, кромѣ женатыхъ, жившихъ по зимовникамъ т. е. по хуторамъ въ разныхъ Запорожскихъ владѣніяхъ, гдѣ кто себѣ мѣсто уподобалъ, но и они числилися и принадлежали къ тѣмъ же куринямъ по названію; а въ Сѣчи никого женатыхъ небыло. Всякой же куринь имѣлъ свое названіе и именно: 1-й былъ

Канивскій, 2-й Левушкивскій, 3-й Плахтіевскій, 4-й Ведмедовскій, 5-й Стебліевскій, 6-й Ирклієвскій, 7-й Щербиновскій, 8-й Пластунивскій, 9-й Переясловскій, 10-й Глушкивскій, 11-й Дядькивскій, 12-й Уманскій, 13-й Деревянкивскій, 14-й Корсунскій, 15-й Конивскій, 16-й Гадяцкій, 17-й Вербицкій, 18-й Шастунивскій, 19-й Минастивскій, 20-й Пашкивскій, 21-й Легушкивскій, 22-й Полтавскій, и такъ далѣе допослѣдняго, коихъ еще остается 18-ть, о названіяхъ которыхъ, я подъ старость лѣтъ моихъ уже упомнилъ. Главное же въ Сѣчи правительство зависѣло отъ Кошевыхъ, коихъ въ теченіе времени, чрезъ всю бытность Запорожья было много перемѣнныхъ, то смертію, то другими случаями, но за моей памяти былъ Кошевымъ, Калнышъ, и жилъ долго, даже до атакованія Сѣчи, Судьею былъ Касапъ а Писаремъ Войсковымъ Глоба: сіи три члена составляли верховную власть и управляли всѣмъ Запорожьемъ.

IV.

ПРАВА ЗАПОРОЖСКІЯ И ЗАКОНЫ.

=

Права и законы по коимъ они рѣшали и судили тяжебныя дѣла, суть слѣдующія; и именно: во всѣхъ Запорожскихъ предѣлахъ, по знатнымъ селеніямъ и мѣстамъ устроены были Паланки, — родъ уѣздовъ или земскихъ судовъ, въ коихъ

поставлялись по выбору три члена и назывались Судьями или панами: 1-й Полковникъ, 2-й Есаулъ, и 3-й Писарь, къ нимъ въ помощь опредѣлены были отъ Сѣчи три Подпанка изъ козаковъ и всѣ оные члены по трехъ-лѣтнемъ выборѣ перемѣнялись, и поставлялись на мѣстахъ ихъ другіе и такимъ образомъ заведенъ былъ порядокъ по всѣмъ Паланкамъ. Потомъ когда случатся тяжебныя дѣла, на примѣръ сказать: если два козака между собою поспорятъ, или подерутся, или одинъ другому по сосѣдству шкоду сдѣлаетъ т. е. своимъ скотомъ потравитъ хлѣбъ, или сѣно, или другую какую нибудь обиду другъ другу причинятъ, и между собою немогутъ примириться, то оба они обиженный и обидѣвшій, купивши на базарѣ по калачу идутъ въ Паланку позываться, къ которой они принадлежатъ и просятъ отъ судей своего удовольствія, и положивши калачи на «сырно» столъ) кланяются судьямъ оба разомъ низенько и становятся возлѣ порога, сказавши: кланяемся панове хлибомъ и силью, и Судьи начнутъ ихъ спрашивать: яке ваше дило паны-молодци? Тогда обиженный прежде отвѣчаетъ: отъ панове! яке наше дило, указывая на своего товарища, от-цей мене обидивъ, от-стилько-то шкоды мини причинивъ своимъ скотомъ и несогласенъ мнѣ уплатить и пополнить що слѣдуетъ за спашъ сѣна; или за побой хлѣба; потомъ судьи спрашиваютъ другаго обидѣвшаго . . . Ну братчику! говори ты, правдали то, о чемъ оби-

женный товарищъ твой на тебе жалуется? Тогда обидчикъ отвѣчаетъ: та-щоже панове! то все правда, що я шкоду сдѣлавъ моему сосиду и неотрекаюся, но немогу его удовольствовать по той причинѣ, что онъ требуетъ видъ мене лишне, а шкоды немае стильки. Тогда уже Паланка посылаетъ Пидпанковъ и прочихъ постороннихъ верховыхъ козаковъ для освидѣтельствованія шкоды; они чрезъ нѣсколько часовъ возвращаются въ Паланку и объясняютъ судьямъ всю правду, истинно, чего шкода стоитъ, тогда судьи обращаются къ обидщику и говорятъ ему: ну! що-жъ ты братчику! согласенъ ли уплатить шкоду своему сосѣду, или нѣтъ? Тогда обидчикъ и паки кланяется судьямъ: та щожъ панство! лишне винъ видъ мене требуе, я несогласенъ ему уплатить; у воли вашей. Наконецъ судьи долго его уговариваютъ и представляютъ ему резоны, что обида всякому непріятна и совѣтуютъ помириться и незатруднять высшаго начальства, и если тяжущіеся захотятъ помириться и другъ друга подовольствовать, то Паланка ихъ дѣло рѣшаетъ сама и удовольствовавъ обиженнаго, отпущаетъ ихъ по домамъ, а если обидчикъ поупрямится и непримирится здѣсь, то Паланка отсылаетъ обоихъ ихъ до Сѣчи. Тогда тяжущіеся, поклонившись вмѣстѣ судьямъ отходятъ изъ Паланки и говорятъ: прощайте панство! А судьи имъ скажутъ: ступайте съ Богомъ! когда же тяжущіеся пріѣдутъ до Сѣчи, то другъ друга спрашиваютъ:

а въ чій же куринь по переду пидемъ? тогда обиженный говоритъ: ходимъ, брате, до нашего куриня; ну добре, ходимъ и до вашего куриня отвѣчаетъ обидчикъ. Вошедши же въ куринь, являются оба къ Отаману и говорять ему: здоровъ батьку! Здоровы были паны-молодци! отвѣчаетъ Отаманъ, сидайте! та-ни батьку! николы сидати, мы дило къ тоби имѣемо; ну говорите! яке ваше дило? скажетъ Отаманъ; тогда обиженный начиная ему жаловаться, объясняетъ всю свою обиду и произшествіе, по ряду какъ было, и какъ они судились въ Паланкѣ, потомъ Отаманъ выслушавши все ихъ дѣло, спрашиваетъ обидчика: якого ты братчику куриня? и когда скажетъ обидчикъ, что онъ такого-то куриня и назоветъ куринь по прозванію то Отаманъ закричить на хлопцивъ: а пидите-лишь такого-то куриня Отамана попросите до-мене; и когда тотъ Отаманъ прійдетъ и скажетъ первому: чого вы брате мене звали? тогда первый скажетъ ему: чи-се вашего куриня козакъ? потомъ пришедшій Отаманъ обратясь къ козаку своему скажетъ: такъ ты братчику нашего куриня? такъ батьку, вашего куриня, козакъ отвѣчаетъ, поклонившись. Потомъ первый Отаманъ расказываетъ сему второму Отаману все дѣло и произшествіе за тяжущихся козаковъ, и говоритъ такъ: ну — що брате будемъ робить съ сими козаками? а пришедшій Отаманъ спрашиваетъ козаковъ: такъ васъ уже братчики и Паланка судила? Судила

батьку, и кланяются ему вмѣстѣ; тогда оба Отаманы начнуть уговаривать тяжущихся: помиритеся братци, и подовольствуйте тутъ уже одинъ другаго, дабы незатруднять далѣе высшаго начальства. Тогда обидчикъ опять поклонившись Отаманамъ, говоритъ такъ: та — щожъ батьки, коли винъ лишне требуетъ видъ мене. Наконецъ Отаманы видя его упрямство, спрашиваютъ его въ послѣдній разъ: такъ ты братчику, несогласенъ его подовольствовать; нитъ батьки, у воли вашій, несогласенъ; и кланяется имъ обоимъ низко; ну теперь же братци ходимъ вси четыре до Судьи: що же скажетъ Судья. Добре, отвѣчаютъ казаки Отаманамъ, обождить - же батьки, пидемъ мы на базаръ и купимъ калачи, потомъ всѣ четыре являются Судьѣ Войсковому, и вошедши въ куринь по переду Отаманы кланяются и назвавши Судью по имени говорятъ: здорови були пане добродію, а Судья взаимно отвѣчаетъ: здоровы и вы панове Отаманы, прошу сидати, потомъ тяжущіеся козаки такъ же кланяются Судьѣ и кладутъ калачи на сырно, говоря такъ: кланяемся вамъ добродію хлибомъ, та силью. Спасибо, спасибо, паны-молодци за хлибъ и за силь, отвѣчаетъ Судья, потомъ Судья спрашиваетъ Отамановъ: що-се у васъ за козаки и яке дило маютъ? Тогда первый Отаманъ начинаетъ пересказывать ему обиженнаго все дѣло и проишествіе, по ряду, за козаковъ, якъ було оно сначала и якъ ихъ судила Паланка. Потомъ

Судья обратившись къ обидчику спрашиваетъ: такъ, якъ-же ты братчику рѣшишся съ симъ козакомъ, указуя на обиженнаго, когда уже васъ судила и Паланка, Отаманы и я присуждаю обиженнаго удовольствовать, а ты несоглашаешся по упрямству, будучи уже со всихъ сторонъ виноватъ. Потомъ долго его уговариваетъ и представляетъ ему правильные и законные резоны къ примиренію, но обидчикъ никакими доводами не убѣждаясь стоитъ на одномъ упрямствѣ и повторяетъ тоже, что и прочимъ низшимъ членамъ и Отаманамъ: та — щожъ добродію, колы винъ лишне требуе, я на то несогласенъ! Такъ ты несогласенъ братчику! несогласенъ добродію; ну теперь-же вы панове Отаманы идите съ нимъ до Кошового, тамъ уже будетъ имъ конечный судъ и рѣшеніе; тогда Отаманы, вставши изъ своихъ мѣстъ, кланяются Судьѣ всѣ разомъ съ козаками, и говорятъ: прощайте добродію; идите съ Богомъ, скажетъ Судья, а козакамъ примолвитъ: забирайте братци съ собою и свій хлибъ съ сырна; та-ни добродію, мы соби купимъ на базари; забирайте, забирайте, съ гнѣвомъ повторяетъ Судья, и немедлите Отамановъ, бо имъ не одно дило ваше! Наконецъ взявши козаки свои калачи, приходятъ съ Отаманами до Кошового въ куринь, всѣ четыре разомъ, и кланяются ему вмѣстѣ: здорови були вельможный пане, скажутъ ему. А Кошевый отвѣчаетъ: здоровы, здоровы, панове Отаманы, прошу сидати,

тогда тяжущіеся козаки стоя у дверей, возлѣ порога, клапяются и паки Кошевому низенько, и кладутъ калачи на сырно: кланяемся вельможный пане хлибомъ и силью . . . благодарю паны-молодци за хлибъ и за силь, отвѣчаетъ вельможный. Потомъ спрашиваетъ Кошевый Отамановъ: що-се у васъ панове Отаманы за козаки? Тогда Отаманы начинаютъ пересказывать Кошевому все дѣло и произшествіе ихъ по ряду якъ було сначала и до конца, а козаки стоятъ у порога. Потомъ выслушавши Кошевый дѣло, обращается до обидчика и говорить ему: ну якъ же ты, братчику, думаешъ рѣшиться съ симъ козакомъ, указывая на обиженнаго. Васъ рѣшила Паланка, васъ рѣшили Отаманы, васъ рѣшилъ и Судья Войсковый, а потомъ дило дошло и до мене, о чемъ я разслухавшися, признаю, що Паланка рѣшила дило ваше правильно, которое и я утверждаю и нахожу тебя во всемъ виновнымъ; такъ теперь, що уже ты мини скажешъ, согласенъ-ли ты будешъ обиженнаго подовольствовать? Ни, вельможный пане, требуе лишне, и я несогласенъ на то.—Наконецъ опять ему Кошовый скажетъ громко, строго и со гнѣвомъ: такъ ты братчику несогласенъ? такъ, вельможный пане, не согласенъ, у воли вашей, и кланяется ему низко. Ну добре, колижъ ты несогласенъ;—потомъ Отаманы встаютъ съ мѣста, видя Кошоваго во гнѣвѣ, кланяются ему вмѣстѣ съ козаками всѣ четыре разомъ и прощаяся

Отаманы съ Кошовымъ, по обычаю, выходятъ изъ куриня, а также и тяжущіеся козаки поклонившись скажутъ вельможному: прощай, вельможный пане! Прощайте паны-молодцы и насъ не забувайте, скажетъ наконецъ Кошовый и выходитъ въ слѣдъ за ними изъ куриня, и когда выйдутъ на дворъ всѣ, то Кошовый крикнетъ на сторожей: сторожи! кіивъ; потомъ сторожи бѣгутъ и кіи несутъ оберемками; тогда вельможный скажетъ: ну лягай братику, ось мы тебе проучимъ якъ правду наблюдати и панивъ шанувати. Помилуй вельможный пане, возопіетъ тогда виноватый не своимъ гласомъ до неба. Ни, братчику, нема уже помилованія, коли такій упрямый; козаки! на рукахъ и на ногахъ сидайте и каптаны его на плечи закидайте; сторожи! бійте его, сучего сына, добре кіями, щобъ знавъ по чому кившъ лиха! — И когда кіи начнуть между собою розговаривать и по ту и по другую сторону, то виновный козакъ мовчитъ уже тогда и слухаетъ готоваго, що кажутъ. И когда виновнаго добре уже употчиваютъ т. е. до 50 или до 100 кіивъ дадутъ, то тогда опять Кошевый крикнетъ: полно....и сторожи поднявши кіи на свои плечи стоятъ, якъ солдаты съ ружьями на часахъ, а козаки виновнаго еще держатъ, сидя на рукахъ и на ногахъ, дожидаясь послѣдняго рѣшенія. Тогда начинаетъ Кошевый говорить къ виновному: послухай братчику, якъ тебе Паланка рѣшила, и сколько

обиженный требуетъ, заплати ему непремѣнно, да сей-часъ заплати, при моихъ очахъ. Тогда виновный, лежа отвѣчаетъ: чую! вельможный пане, чую, и готовъ все исполнить, що прикажешъ. — А що оце тебѣ выбили, то сноси здоровъ, щобъ ты недуже мудровавъ и не упрямився, продолжаетъ Кошевый; може тоби братчику ище прибавить кіивъ? Тогда виновный со слезами и воплемъ крикнетъ. о! помилуй, помилуй вельможный пане! буде съ мене и сего до-вику; не буду упрямиться и буду шануваты панство; тогда наконецъ, когда вельможный угамуется т. е. перестанетъ сердится, то скажетъ козакамъ и сторожамъ своимъ экзекуцію отправлявшимъ: ну полно, вставайте и козака на волю пускайте, а кіи подальше ховайте.— И тѣмъ кончается судьба виновнаго и рѣшеніе безъ всякихъ на бумагѣ судопроизводствъ, и если имѣетъ виновный при себѣ деньги, то тотъ-часъ-же и платитъ обиженному сколько слѣдуетъ, если-же не имѣетъ, то Кошевый призываетъ Отамана обидчикова куриня тутъ-же при производствѣ суда стоящаго: ну пане Отамане, принеси за-разъ деньги изъ своего куриня и удовольствуй обиженнаго, а ты съ нимъ послѣ вѣдайся якъ хочешъ и имѣешъ право взыскать съ него.— Вотъ яки у насъ були суды и права по Запорожскимъ обычаямъ и хотя-бы на 1,000 или на 10,000 суммы въ тяжебныхъ дѣлахъ, то въ одну недѣлю времени все рѣшено будетъ и да-

лѣе волочится по судамъ пестанутъ. А такимъ-же образомъ и важныя преступленія рѣшалися, яко-то: воровство, грабежи и убійства и прочія беззаконныя дѣла, влекущія за собою смертную казнь.

V.

О СМЕРТНЫХЪ КАЗНЯХЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

Всѣ козаки Запорожскіе обыкновенно принадлежали до Сѣчевыхъ куриней, въ коихъ было по 1000 и болѣе, какъ выше сказано, и какъ прозваніе куриня, напримѣръ Канивскій или Пластунивскій куринь прозывается, то такъ и козакъ по куриню называется, не только тотъ, который въ куринѣ на службѣ безотлучно находится; но и тотъ, который сидитъ зимовникомъ т. е. домомъ своимъ къ тому-же куриню принадлежитъ и именуется по тому куриню. Изъ сихъ козаковъ большая часть была холостыхъ, которые въ особенности отъ Сѣчи назывались: «сиромами» и занимались только въ свободное время отъ службы рыбною и звѣриною ловлею, а нѣкоторые были женаты и занимались у своихъ зимовникахъ хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ и другими разными хозяйственными промыслами; которые-же были холосты, но имѣли свои достатки, такъ-же занимались хозяйствомъ и имѣли свои зимовники

и челядь т. е. прислужников. Всѣ-же козаки, живущіе по зимовникахъ безъ изъятія отбывали повинности до куриня и до Сѣчи, принадлежащія, яко-то: караулы, кордоны и въ случаѣ войны ишли на сраженіе. Но изъ сихъ всѣхъ женатыхъ и сидящихъ въ зимовникахъ мало было преступниковъ; а холостые сиромы сей участи больше подлежали, ибо що въ лями по рыбальняхъ, или на звѣриной ловли загорують, то, все то чрезъ пьянство скоро и прогайнують, и видя уже послѣ, що ничимъ похмелиться, да и нивиткиля поживиться: заробитки ушли, а гроши пропили, то тогда уже неизбѣжно простираются и до дальнаго распутства и отваги самовольно, а воля и отвага: или «медъ пье, или кандалы тре», по пословици. И когда уже сирома доходила до такого состоянія, то неудержно сіи шалуны пускались великими шайками на добычу, и начинали красть, грабить и убивать. Ибо они грабили чумаковъ на великихъ шляхахъ, дѣлали разбои надъ проѣзжими купцами и драли ляхивъ и жидовъ у Польщи такъ сильно, что ляхи отъ страха кидали домы и жилища свои и уходили до лясу во внутреннюю Польщу, за Варшаву, а жиды безъ вѣсти бѣжали и духу боялись Запорожскаго. Между сими Запорожскими шайками у каждой были «Ватажки» или Отаманы и по ихнему назывались еще «Характерники» т. е. такіе волшебники що ихъ ни какое огненное оружіе, ни пуля, ни пушка умертвить не можетъ; и

когда бывало дерутъ ляхивъ, по великимъ и богатымъ дворамъ, въ коихъ хотя на сей случай въ осторожность и весьма великое бываетъ количество сторожей и вооруженныхъ часовыхъ, то «Ватажокъ» такъ очаруетъ всѣхъ въ домѣ, что никто изъ нихъ не услышитъ и не увидитъ ни единаго козака изъ его шайки и тогда уже они берутъ, що хотятъ и возвращаются въ Сѣчь, а потомъ «дуванятся» т. е. дѣлятся добромъ, часть на козакивъ, часть на Ватажка, а часть на куринь. Посему-то самому якъ видно, и нѣкоторые куринные Отаманы дѣлали имъ поблажку, ибо не всякій Ватажокъ собравши шайку тайно, ходилъ на добычу; но большею частію за вѣдомомъ куриня, по той причинѣ, что когда бывало убирается Ватажокъ на добычу, и проситъ у Отамана козаковъ, то куринный Отаманъ приказываетъ Ватажкови: ну братчику, гляди-жъ, щобъ ты якого козака не утративъ; то тоди уже и до куриня не вертайся; сирѣчь: крадь, да кинци ховай. Тогда Ватажокъ надѣясь на свое характерство отвѣчаетъ Отаману: ни, батьку! будутъ вси цили. И такъ сиромы до таковой степени шалостей по своему характерству доходили, що послѣ разбоевъ грабительствъ и убійствъ, дѣлали такія ище страшныя и безчеловѣчныя неистовства, що нелѣпо и говорити и на бумагу положити. О семъ доходили жалобы не только до Сѣчи но и до Столицы, чрезъ що самое почти и Сѣчь атакована и уничтожена; а пре-

ступники тогда было, если поймаются въ воровствѣ, грабежѣ или убійствѣ, то судъ имъ коротокъ и не долго съ ними возятся по судамъ, а вдругъ рѣшаютъ ихъ и казнятъ въ Сѣчи или по Паланкамъ, смотря по преступленіямъ: иныхъ вѣшаютъ на шибиницу, иныхъ убиваютъ кіями до смерти, иныхъ сажаютъ на пали, а иныхъ отсылаютъ на Сибирь. Воровство-же и грабежъ, если по жалобамъ откроется и виновнаго поймаютъ, то пополняетъ куринь, къ которому виновный принадлежитъ, и если онъ у себя достатка неимѣетъ, а отъ наказанія неосвобождается по праву приговора, чего достоинъ и тѣмъ обложеннаго на жалобѣ довольствуютъ, а убійство также замѣняютъ убійствомъ и убиваютъ преступника до смерти, какая казнь будетъ положена, тоже по приговору начальства. Первая казнь: шибиницы *), которые устроены были по разныхъ мѣстахъ надъ большими шля-

*) Отъ казней сего рода, по совершенномъ уже опредѣленіи оныхъ виноватому, можно было избавиться однимъ только случаемъ: ежели дѣвушка объявитъ свое желаніе, вытти замужъ за преступника. Вотъ отсюда и вышло однажды довольно нѣчто смѣшное. Преступника вели уже на лобное мѣсто; несчетная толпа зрителей слѣдовала за нимъ: какъ вдругъ, подъ бѣлымъ покрываломъ, встрѣчается дѣвица, которая всенародно объявляетъ свое желаніе, вытти за осужденнаго замужъ. Разумѣется, всѣ остановились и замолкли; осужденный требуетъ, снять съ дѣвицы покрывало, дабы онъ могъ посмотрѣть на нее. Взглянулъ, и заговорилъ: ну, когда уже на такой жениться: то лучше умереть. Ведите меня. Что и послѣдовало. Произшествіе сіе было въ г. Новомосковскѣ, въ тогдашней Запорожской паланкѣ, гдѣ мѣста шибиницъ и прочихъ казней, помня, еще нѣкоторые изъ жителей указываютъ ихъ любопытнымъ.

хами, почти во всякой Паланкѣ, и преступника верхомъ подвезши лошадью подъ шибиницу, и накинувши на его голову сильцо, лошадь ударятъ плѣтью и она оттудова выскочитъ, а преступникъ повиснетъ; а иного вѣшали до горы ногами, а иного за ребро крюкомъ желѣзнымъ, и виситъ преступникъ пока кости его разсыплются, въ примѣръ и страхъ другимъ, и никто его оттуда снять несмѣетъ подъ казнью смертною. Вторая казнь: острая «паля» или столпъ деревянный вышиною въ 6 аршинъ и болѣе, а на верху пали воткнутый былъ желѣзный шпиль тоже острый въ 2 аршина вышиною, на который шпиль насаживали преступниковъ, такъ что шпиль выходилъ на полъ-аршина въ потылицу выше его головы, и сидитъ на томъ шпилѣ преступникъ дотоли, пока изсохнетъ и выкорениться якъ вяла рыба, такъ что когда вѣтеръ повѣетъ, то онъ крутится кругомъ якъ мельница и торохтятъ всѣ его кости, пока упадутъ на землю. Третья казнь: «кіи» Запорожскіе; они не такъ велики и толсты, а подобны бичамъ что у цѣповъ, коими хлѣбъ молотятъ; дубовые или изъ другаго крѣпкаго дерева нарубленные. Преступника вяжутъ или куютъ до столба въ Сѣчи или въ Паланкахъ на площади, или въ базари, потомъ поставляютъ около его разные напитки въ кинвахъ к. т. горилку, медъ, пиво и брагу, и накладутъ такъ-же довольно калачей и наконецъ принесутъ такъ-же нѣсколько оберемкивъ и кіивъ

и положать около столба гдѣ преступникъ, и принуждаютъ его ѣсть, пити, сколько хочетъ, — и когда наѣстся и напьется, тогда козаки начинаютъ его бить кіями, такъ что всякой козакъ кто только идетъ мимо его, выпивши корякъ горилки, или пива, непремѣнно долженъ ударить его по разу кіемъ и когда ударить (де хто якъ попавъ, по головѣ или по ребрахъ), тогда такъ ему приговариваетъ: отъ тоби, сучій сыну, щобъ ты не кравъ и не розбивавъ, мы всѣ за тебе куринемъ платили. И потудова сидитъ или лежитъ преступникъ около столба, пока убьютъ его до смерти. Четвертая казнь: отсылка въ Сибирь, по обычаю якъ и Россія отсылаетъ преступниковъ. И за всѣми сими наказаніями и страхомъ въ бытность уже Кошевого Кальныша совершенно уже ихъ разбои смирили и прекратили злую волю; о чемъ и я (Коржъ) довольно помню, но Сѣчь уже ихъ неуцѣлѣла. Теперь скажемъ еще нѣсколько

VI.

О ЗАПОРОЖСКИХЪ ОБЫЧАЯХЪ И ОБРЯДАХЪ.

Обычаи Запорожскіе чудны, поступки хитры, а рѣчи и вымыслы остры и большею частію на насмѣшку похожи.

1) Запорожцы всѣ вообще головы брили, и оставляли только одну чуприну (т. е. пучокъ не-

нен и пушист, как и вся его кожа; цвѣтомъ молодой—сѣрой, а старой—черноватъ, на подобіе куницы. Сей звѣрекъ у Запорожцевъ назывался «видинхою» или выдрою и кожа его была въ великой модѣ, а особливо для шапокъ и платили дорого нетолько Запорожцы, но и Ляхи и Жиды;— а потому уже самому и вошли у Запорожцевъ въ обычай, что шапку — хотя-бы изъ самаго простаго сукна или изъ кожи пошита была,—всегда называли кабардинкою.

3) Запорожскіе козаки въ разсужденіи всегдашней поѣздки, а особливо въ военное время и въ отрядахъ и посылкахъ, рѣдко имѣли особенные экипажи, кромѣ верховыхъ лошадей, на коихъ были седла дорогія съ разукрашенными чепраками и со всею козацкою збруею; съ переду седла пришиты были два кубура т. е. чехлы или футляры кожанные. для пистолей, а изъ зади, въ торокахъ, увязана бурка и прочій самонужнѣйшій припасъ. Амуницію и все военное оружіе имѣли они на лошадяхъ якъ-то: ратище (копье), саблю и 4 пистоля: 2 въ кубурахъ а 2 за поясомъ. На грудяхъ вмѣсто лядунки, вокругъ козака обвитъ широкій черезъ, или патронтажъ, наполненный въ два или въ три ряда запасными патронами съ порохомъ и пулями. Ружей-же и пушекъ при сраженіи, у верховыхъ козаковъ, небыло; а употребляли они ихъ тогда, когда ходили на лодкахъ и дѣлали, подъ непріятельскими городами, вылазку; тогда и верховые козаки

спѣшивались и съединясь съ флотскимъ воинствомъ, давали артиллеріи пособіе разными способами и орудіями.

4) При свиданіи и поздравленіи другъ друга, обычаи у Запорожцевъ были тоже мудреные, а особливо въ Сѣчи и по зимовникамъ, на прим. когда вздумаетъ одинъ козакъ, или многіе вмѣстѣ согласившись, поѣхать до другаго козака въ гости, до куриня или до зимовника, или и за-другимъ какимъ нужнымъ дѣломъ ѣдутъ или по пути заѣзжаютъ на ночлеги, то здоровкаются т. е. одинъ другаго привѣтствуютъ такъ. Пріѣхавши во дворъ хозяйскій, сидя еще на лошадяхъ, одинъ изъ нихъ крикнетъ громко: «пугу! пугу! пугу!» (т. е. здоровъ), три раза, разомъ и за однимъ духомъ; а хозяинъ куриня или зимовника отзывается къ нему въ окошко тоже: пугу, пугу, два раза, а пріѣхавшій гость отвѣчаетъ ему: «казакъ съ лугу,» наконецъ хозяинъ паки въ окошко крикнетъ: «повѣшайте тамъ, де и наши т. е. вяжите кони до яселъ и просимъ до хаты. Тогда хозяйскіе хлопцы вдругъ выбѣгаютъ изъ зимовника или изъ куриня, принимаютъ отъ гостей лошади, въ свои руки, ведутъ въ конюшню до ясель и присматриваютъ за ними дотоли, пока пріѣзжіе козаки у хозяина гостювать будутъ; потомъ гость или гости когда войдутъ въ хату то перекрестившись до иконъ, говорятъ къ хозяину: отаманъ, товариство, ваши головы! и кланяются ему; тогда хозяинъ взаимно кланяется

имъ и отвѣчаетъ: ваши головы, ваши головы! прошу паны-молодци сидати, и послѣ того пойдетъ уже попойка меду, вина и горилки и прочаго, а чаю и пуншевъ и кофе у Запорожцевъ не водилось, кромѣ варенухи, и то у богатыхъ и почотныхъ козаковъ. Варенуху варили пополамъ т. е. водку съ медомъ, клали въ нее перецъ и «сушь» изъ разныхъ фруктовъ, который напитокъ у Запорожцевъ былъ въ великой модѣ, и за особенное угощеніе почитаютъ, если въ чіемъ домѣ варенухою подчуютъ. Наконецъ подгулявши, хозяинъ съ гостьми и поговоривши, що треба, хорошенько, призываетъ кухаря и приказываетъ ему варить обѣдъ или вечерю для гостей, а кухарь спрашиваетъ хозяина: щожъ батьку прикажите варить?—Вари братчину тетерю до воды, на скору руку или до меду, бо теперь писный день! — если случатся гости въ Середу или въ Пятницу, или въ постъ, а въ скоромные дни говорятъ: до молока, до масла тетерю. Когда-же гости погулявши день, или нѣсколько дней сряду, вздумаютъ ѣхать по домамъ, тогда благодарята хозяина: спасибп батьку за хлибъ и за силь, пора уже по куринямъ разъѣзжаться до домивки; просимъ батьку и до насъ, коли ласка, и оставайтесъ здорови! а хозяинъ имъ отвѣчаетъ: прощайте и выбачайте паны-молодцы, чимъ богаты, тымъ и рады; просимъ не погнѣваться! и потомъ гости выходятъ изъ куриня, а хлопцы хозяйскіе подаютъ имъ кони накормлены напоены и осѣд-

ланы. И сей обычай былъ у Запорожцевъ не только къ пріятелямъ и знакомымъ, но и ко всѣмъ страннымъ людямъ и наблюдали сію страннолюбія добродѣтель, очень строго и неупустительно по ихнимъ преданіямъ. Сверхъ того въ обычаѣ у нихъ было и то, что всякій козакъ а особливо между простыми т. е. табунщикъ, скотарь и чобанъ опоясывались ременнымъ (кожанымъ) поясомъ и чрезъ плечо навѣшивали «гаманъ» кожаный, украшенный разными мѣдными серебренными и золотыми блестками, пуговицами, у коемъ гаманѣ носили кресало, кремень и губку, у запасъ, для всякаго случая; а около пояса привязывали швайку и ложечникъ всенепремѣнно—швайку для починки лошадиной сбруи, а ложечникъ для сохраненія въ цѣлости ложки что почиталось у нихъ за особенную и крайнюю необходимость; и то не козакъ, кто по обычаю сему непоступаетъ, и почитали его за самаго нерадиваго и неисправнаго пастуха. Ибо напримѣръ сказать, когда пастухъ или чобанъ вздумаетъ пойти или поѣхать изъ своего коша до другаго сосѣдняго коша, по надобности, и пришедши туда если застанетъ, что пастухи обѣдаютъ или вечеряютъ, то говоритъ имъ: хлибъ да силь паны-молодци! а они отвѣчаютъ ему: имо да свій, а ты у порога постій. Ни братци! давайте и мини мисто, отвѣчаетъ гость, и вынимаетъ заразъ свою ложку изъ ложечника и садится съ ними вмѣстѣ, и тогда тамошніе

чобаны похваляютъ пришедшаго гостя и говорятъ: отъ — козакъ догадлывый и исправный! вечеряй, братчику, вечеряй...и даютъ ему мѣсто и привѣтствуютъ дружески. Если-же, который звычая сего незнаетъ, съ того смѣются и называютъ олухомъ (дуракомъ). Когда-же пастухъ пришедшій или другой какой-либо гость не застанетъ ни обида, ни вечери въ какое-бы ни было время, то тотъ-часъ Отаманъ Коша поздоровкавшись съ гостемъ, по обычаю, приказываетъ кухарю своему варить тетерю, мамалыгу или милай и накормивши гостя спрашиваетъ: зачемъ прійшовъ? Что-же значитъ кошъ, тетеря і милай, о томъ поясню въ слѣдующемъ пунктѣ.

Во время Запорожья, до атакованія Сѣчи, не было никогда зимы холодной, и таковой никто незапомнитъ: а потому скотъ на степахъ лѣто и зиму кочевалъ; для случающихся-же холодныхъ вѣтровъ и непогоды у пастуховъ были коши и котиги. Кошъ подобился палаткѣ, обшитъ вокругъ полстями и устроенъ на двухъ колесахъ, дабы съ мѣста на мѣсто можно было его удобнѣе перевозить, куда надобность укажетъ; въ немъ была «кабица» для огня и пастухи отъ непогоды перегрѣвались и пересушивались и варили пищу для себя, а также и кормъ для собакъ. Тетерю они варили изъ ржаной муки и пшена, но прежде ея учиняютъ росчиною, какъ и тѣсто на хлѣбъ. Милай и мамалыга — все одно, и варили его изъ просяной муки съ одною во-

дою, несолививши, потому что кушаютъ его съ солонымъ сыромъ, или съ брынзою въ скоромные дни, а иногда и галушки варятъ съ постромою (съ бараниною). А также и коржи пекутъ бывало изъ пшеничной муки и называли оныя «загребами», потому что ихъ въ кобыци, жаромъ и пепеломъ загребаютъ, пока спекутся. А котига у нихъ называлась пребольшая арба, или воловый возъ на четырехъ колесахъ, въ которомъ возили за собою всю пастушью провизію, воду харчь и дрова, и когда на одномъ «тырлѣ» пашу скотомъ или овцами потравлятъ, то переходятъ на другое мѣсто, ищутъ лучшей паши и такимъ-образомъ кочуютъ въ степахъ лѣто и зиму какъ дикіе Ногайцы или Калмыки.

5) Козаки Запорожскіе, а особливо Сѣчовики, по вольности Запорожскаго духу, и веселаго характера имѣли, по звычаю своему, великую наклонность къ шуткѣ и насмѣшкамъ, такъ что съ самаго малѣйшаго случая, или поступка, или походки козака, вдругъ выводятъ великія нелѣпости и прикладываютъ прозвища одинъ другому т. е. даютъ мудреные названія и имена, случаю и поступкамъ соотвѣтствующія. Такъ напримѣръ: если какой козакъ отъ неосторожности спалитъ куринь или зимовникъ, того называютъ Паліемъ; если который варитъ пищу и раскладаетъ огонь надъ водою, того называютъ Паливодою; если который ходитъ согнувшись отъ немощи или отъ природы, того называютъ Гор-

бачемъ; если который противу обычая, не тетерю варитъ себѣ въ пищу а кашу, того называютъ Кашкою или Кашоваромъ. Если который козакъ необычно малъ ростомъ, того называютъ Махиною, а который самаго великаго росту, того называютъ Малютою; если который проворенъ и ходитъ скоро и идучи поскользнется и упадетъ, того называютъ Склизькимъ; если который неуклюжъ и ходитъ нескоро, того называютъ Черепахою; а который худъ лицемъ и безсиленъ, того называютъ Гнидою, и такъ далѣе. Отъ каковыхъ случаевъ и поступковъ и мой родной отецъ, отъ предковъ ведшій свою фамилію Жаданъ, въ Сѣчи получилъ названіе Таранъ, коимъ въ олѣйницѣ бьютъ олѣю, а крестный мой отецъ Качаловъ, получилъ прозваніе отъ качалки, косю платья качаютъ, и все по случаю; а равнымъ-образомъ и я Коржъ получилъ себѣ прозваніе отъ коржа такимъ-образомъ. Я съ молодыхъ лѣтъ былъ очень проворенъ и рѣзвъ; разъ ѣхавъ изъ Новыхъ-Кодакъ до Сѣчи, тоже съ молодыми хлопцами, мимо большой могилы, называемой Чертомлыкъ, не далеко отъ Сѣчи, гдѣ нынѣ Покровское, вздумалось намъ полюбопытствовать и взойтти на самый верхъ этой могилы, на которую была тропинка утоптана, и когда мы взошли на могилу, и поглядѣвши съ оной сюды и туды начали опять возвращаться въ низъ, то товарищи мои пошли по тропинкѣ, а я бросился на простецъ,

а какъ могила была весьма крутая и по оной сухой камышъ, а на ногахъ у меня были постолы скользскіе, то я поскользнувшись упалъ и съ самой вершины горы бокомъ катился до низу, якъ коржъ, и отъ того случая товарищи мои разсмѣявшись, назвали меня Коржомъ и пріѣхавши въ Сѣчь, объяснили мое произшествіе всѣмъ куринымъ козакамъ и крестному моему отцу Качалову, который сказалъ: да нехайже буде Коржъ: бо и мене Качалою прозвали за одну зробленную мною качалку; що будешь робить, коли тутъ такая поведенція! терпи хлопче, козакомъ будешъ; а изъ козака попадешъ и въ Отаманы: бо съ посмиху люди буваютъ!

6) Теперь-же нѣсколько скажемъ о тѣхъ порядкахъ и обычаяхъ, которые были, по куриняхъ, у Сѣчи. Сколько было числомъ куриней, о томъ выше сказано, ибо ихъ было 40, всѣ они выстроены были въ Сѣчи, въ одномъ мѣстѣ, и не такъ какъ обыкновенный куринь или шалашъ пастушій строится просто, но были рубленныя и изъ рѣзанаго лѣса, ибо «великій лугъ» на лѣсъ былъ достаточенъ; а притомъ столь обширны были палаты, что по 600 козаковъ и болѣе могли вмѣщаться въ каждомъ куринѣ, во время обѣда. Куринь строился подобно трапезѣ, безъ всякихъ чулановъ и перегородокъ, такъ что внутри онаго, вокругъ, около стѣнъ, до самыхъ дверей стояли столы, а около столовъ, такъ-же вокругъ, скамьи, на коихъ садятся козаки обѣ-

дать, а первое мѣсто для Отамана было подъ иконами. Иконы были богатые и украшенные, окошки также были большія и частыя; вокругъ и во всякомъ куринѣ, по срединѣ висѣли великолѣпныя паникадила, а подъ иконами лампады, кои въ большіе праздники были зажигаемы. Печи большія, для печенія хлѣба, были особо отъ куриня построены и въ особомъ отдѣленіи, а въ куринѣ одни только грубы т. е. манерныя печки— на маперъ аглицкихъ. Повары тоже были въ особомъ отдѣленіи и варили пищу разную; но первая была: тетеря, рубци, галушки и рыба «на стябло», а свинячую голову до хрону, а иногда и локшину на перемѣну, и проч. и проч. що водилось по ихъ Запорожскимъ обычаямъ. Потомъ когда пищу изготовлять и время обѣдать: насыпаютъ (наливаютъ) кухари въ деревяные ваганы и ставлютъ на сырно, по всѣхъ столахъ, около которыхъ вагановъ ставлютъ въ рядъ и разные напитки: горилку, медъ, пиво и брагу, у большихъ конвахъ, тоже деревяныхъ, и вѣшаютъ на нихъ корякп, таковые-же, которые и назывались по козацки «михайлики»: ибо у Сѣчи рюмокъ и стакановъ не было. Когда-же козаки прійдутъ съ Отаманомъ въ трапезу, то помолившись Богу, садится Отаманъ на первое мѣсто у конца сырна подъ образами, а потомъ и козаки тоже садятся во кругъ столовъ и начинаютъ трапезовать; когда-же кухари подаютъ рыбу на стябло, то всегда по ихнему обычаю кладутъ

головы изъ рыбы передъ Отаманомъ, и сей обычай до рыбы касающійся по всѣмъ куриямъ и зимовникамъ одинаковъ былъ, послѣ-же того, когда пообѣдаютъ молятся Богу, и кланяются Отаману и другъ другу и благодарять кухаря: спасиби братчику що нагодувавъ козакивъ! Наконецъ выходя Отаманъ изъ за стола кладетъ копѣйку въ карнавку, а равно и всѣ кидаютъ въ карнавку тоже по копѣйкѣ, а кто и больше, и потомъ расходятся по своимъ мѣстамъ, а деньги карнавочные получаетъ кухарь, и покупаетъ въ базарѣ за оныя, что слѣдуетъ для трапезы съѣстное. Кушать варили въ Сѣчи, по куринямъ, всякой день три раза не въ горшкахъ, но въ мѣдныхъ казанахъ или въ чугунныхъ, на кабицы, а не въ печи.

7) Сѣчевые козаки занимались по обычаю и звѣриною охотою, рыбною ловлею; ибо въ великомъ лузѣ по причинѣ непроходимаго и густаго лѣса и сильныхъ камышей около озеръ и лимановъ водилось великое множество дикихъ звѣрей, якъ-то: оленей, козъ, свиней и лисицъ, а по степахъ такъ-же было премного волковъ, зайцевъ и бабаковъ, и за покупкою кожъ сихъ звѣрей, пріѣзжаютъ бывало промышленники изъ разныхъ мѣстъ, съ Малороссіи и Польши, въ ярманки до Сѣчи. А также и рыбные ловли у нихъ были чрезвычайныя, въ Днѣпрѣ, по озерамъ и по лиманамъ, а особливо въ Тилигулѣ, на Кинбурнской Косѣ, около лимана и на Тендрѣ

такое велпкое изобиліе, что не только вся украйна Запорожская ею обогащалась но и Польца вся, и Гетманщина и прочіе околичные жители довольствовались рыбою отъ Запорожскихъ рыбныхъ заводовъ.

8) Наконецъ слѣдуетъ объяснить еще и о томъ, что между Запорожскими обычаями были и благочестивые обряды, относящіеся до Христіанскаго закона и добродѣтелей. Ибо изъ козаковъ было очень много набожныхъ, страннолюбивыхъ и любящихъ благолѣпіе церковное, а особливо изъ престарѣлыхъ, кои ходили на всякое почти славословіе ежедневно, украшали церковныя иконы, исправляли богатыя хоругвы и кресты, обогащали ризничныя утвари и церковныя св. сосуды драгоцѣнными каменьями и великолѣпными издѣліями, такъ, что во всей Россіи едвали гдѣ была ризница превосходнѣе Запорожской ризницы *) и достатка церковнаго

---

*) Въ ризницѣ Покровской находилось: Евангелій большихъ и малыхъ, серебромъ окованныхъ, съ каменьями при нѣкоторыхъ. 11.
Крестовъ серебряныхъ и деревянныхъ въ серебряномъ окладѣ, въ томъ числѣ одна серебряная доска, съ рѣзнымъ въ ней деревяннымъ крестомъ, и таблица серебряная, вызолоченная, на которой изображены Покровъ Божія Матери и Воскресенія Христова . . . . 37.
Лампадъ висячихъ серебряныхъ вызолоченныхъ и безъ позолоты 29.
Паникадилъ большихъ серебряныхъ. . . . . 4.
Потировъ серебряныхъ. дискосовъ, звѣздицъ, лжицъ, чашъ, чарокъ, сіяльниковъ, кумановъ, кадильницъ, кружекъ и прочаго тому подобнаго . . . . 139.
Подсвѣчниковъ . . . . 40.
Вѣнцовъ и коронъ . . . . 69.
Шатъ, или ризъ на иконахъ, серебряныхъ и вызолоченныхъ. 16.

на щотъ казны т. е. денежной суммы, по той причинѣ, что Запорожцы были большею частію холосты, а имѣли многія тысячи денегъ и многочисленное скотоводство по зимовникамъ, и по смерти козака все таковое имущество отписываютъ бывало на церковь Сѣчевую и на монастырь *), который былъ въ той-же Сѣчи и надъ самою рѣкою Подпольною. Въ семъ монастырѣ былъ всегда одинъ настоятель и 12 человѣкъ монашествующихъ, въ числѣ коихъ были іеромонахи и іеродіаконы по ихнему чиноположенію, и имѣли какъ въ Сѣчевой такъ и въ монастырской церкви ежедневное седмичное служеніе, и сіи монашествующіе, какъ и настоятель въ случаѣ смерти ихъ, или перемѣны, по-

---

Царскія двери совсемъ слитыя изъ серебра и вызолоченныя, длиною въ косовую сажень . . . . 1.
Медалей золотыхъ, большихъ и малыхъ, жалованныхъ Запорожцамъ за заслуги и при особыхъ случаяхъ, червонцевъ къ иконамъ привѣшенныхъ, всего. . . . . 157.
Жемчугу мѣлкаго и крупнаго на иконахъ, нитокъ. . . . . 37.
Орѣховой палоецъ, черепашками и перловыми репейками оправленный, отъ Іерусалимскаго Патріарха въ Запорожскую Сѣчь присланный . . . . 1.
Ризъ и стихарей драгоцѣнныхъ, парчевыхъ и бархатныхъ съ орарями, подризниками, поясами и поручами, болѣе . . . . . 300.

И такъ всѣхъ вещей. . . . . . . 841.

*) Въ Сѣчи Запорожской хотя и были дѣйствительно монашествующіе, присылавшіеся сюда изъ Кіево-Межигорскаго монастыря, однакожъ монастыря тутъ въ собственномъ значеніи не было, а былъ таковой, «войсковымъ» называвшійся, на рѣчкѣ Самарѣ, который и до-сихъ-поръ существуя, именуется Самарскимъ. Описаніе сей обители изложено въ особенной книжицѣ изданной въ Одессѣ, въ 1838 году, подъ названіемъ: «Историческая Записка, о Пустынно-Николаевскомъ Самарскомъ монастырѣ,» 68 стр. in 8°.

священны были въ Кіевской Лаврѣ и рѣдко изъ оной насылаемы были въ Сѣчь кромѣ настоятелей, ибо по произволу Кошоваго или Старшины, настоятель самъ, изъ Запорожскихъ козаковъ постригалъ въ монахи. Также и бѣлое духовенство, по Паланкахъ и по прочихъ мѣстечкахъ, гдѣ существовали церкви, производилось во священство изъ своихъ-же Запорожцевъ, ибо между ними таковые были грамотѣи, съ особенными голосовъ дарованіями, что и въ Лаврахъ и въ Столицахъ рѣдко отыскать можно бывало подобныхъ имъ, по той причинѣ, что въ Сѣчи было разной величины довольно. Не только изъ поповичовъ, которые проходили на своихъ мѣстахъ формальнымъ порядкомъ науки, но изъ панскаго поколѣнія образованные дѣти, возмужавшіе и по какимъ-нибудь случаямъ, а особливо по преступленіямъ, стыдясь и боясь наказанія, бѣжали въ Сѣчь. Теперь опять возвратимся къ монастырю Запорожскому: онъ назывался и городкомъ или крѣпостію, ибо въ немъ было много строеній Запорожскихъ пановъ (гдѣ и Кошевой жилъ) и для случая набѣговъ непріятельскихъ устроенъ былъ крѣпостію и обставленъ вокругъ пушками, на высокомъ земляномъ валу расположенными; сверхъ того городокъ совсѣхъ почти сторонъ окруженъ былъ рѣкою Подпольною, такъ, что съ одной только стороны, сухопутьемъ, былъ небольшой въѣздъ съ огромною башнею и часовыми на ней козаками. Церковь

монастырская, а также и Сѣчевая были деревянныя и снаружи не такъ видныя. Обѣ онп ни какихъ оградъ не имѣли. При Сѣчевой церкви выстроена была большая и высокая колокольня, въ особомъ однакожъ отдѣленіи отъ церкви, съ четырьмя большими отверстіями т. е. окнами, въ коихъ утверждены были пушки для стрѣльбы какъ во время набѣговъ непріятельскихъ, такъ и церковныхъ церемоній, изъ сихъ пушекъ по великимъ особымъ праздникамъ яко-то: въ день Пасхи, въ день Богоявленія и въ день храмовый, производили стрѣльбу; ибо въ нарочитые праздники особый и удивительный былъ зрѣнію видъ, какъ въ разсужденіи церковной церемоніи, такъ и обрядовъ и обычаевъ козацкихъ. Напримѣръ скажемъ: въ день Богоявленія, всѣ Сѣчевые козаки со всѣхъ куреней безъ изъятія, а равно и изъ зимовниковъ и изъ заводовъ, гдѣ-бы кто ни былъ, собиралися въ парадъ и шли въ церковь при всѣхъ своихъ амуниціяхъ и оружіяхъ и со всею войсковою артилеріею на Іорданъ, пѣхота и кавалерія; а каждаго куриня особенныя и раскрашенныя знамена бывало везутъ на верховыхъ, живо и удивительно убранныхъ лошадяхъ, а равно и все войско разодѣто въ самое лучшее и богатое платье. И когда посъѣзжаются къ церкви, то такое великое множество народа занимаетъ не только все пространство около церкви, но и

всю Сѣчевую чрезвычайно обширную площадь и стоитъ все войско, какъ конница такъ и пѣхота чинными и устроенными рядами безъ шапокъ, дотоли пока окончится литургія; а по окончаніи оной выходитъ духовенство изъ церкви: настоятель въ переду съ крестомъ, а за нимъ и прочіе соборно служащіе іеромонахи, по парно, и несутъ Евангеліе и иконы, во всемъ драгоцѣнно сіяющемъ священническомъ облаченіи, на водоосвященіе; а за ними и все Запорожское войско со знаменами и артиллеріею идетъ рядами чинно, и пришедши къ рѣкѣ тоже становятся своимъ порядкомъ, какъ и прежде. Потомъ, когда кончится водоосвященіе и настоятель начнетъ, по обычаю, погружать крестъ въ воду, тогда со всей артиллеріи и со всѣхъ мѣлкихъ оружій ударятъ козаки въ одинъ выстрѣлъ залпомъ, такъ громко и сильно, что кажется вся земля вострепещетъ и покроетъ всѣхъ зрителей дымомъ, какъ тьмою, что другъ друга невидятъ, по семъ на нѣсколько минутъ умолкнутъ и дымъ проноситъ вѣтромъ, а канонеры дожидаютъ трехкратнаго погруженія креста и по окончаніи онаго начинаютъ уже жарить во вся тяжкая, сколько кому угодно, и потомъ вся толпа зрѣлищная расходится и возвращается всякъ во свояси, и тѣмъ кончается церемонія.

VII.

ОБЪ АТАКОВАНІИ СѢЧИ.

Сѣчь атакована за блаженной памяти Екатерины II, въ которомъ именно году, за давностію не помню, но по щоту моему уже болѣе 50 лѣтъ тому. Она атакована генераломъ Текеліемъ такимъ образомъ. Текелій пришедши съ вооруженною арміею къ Днѣпру отдалъ приказъ всѣмъ своимъ полкамъ,— раскомандировавши ихъ какъ слѣдуетъ, дабы они приближась къ Запорожью, въ одинъ именно день и въ урочное число т. е. на самую Тройцу, на зеленыхъ святкахъ, въ Маѣ мѣсяцѣ, заняли всѣ по Днѣпру Запорожскіе предѣлы. Самъ-же съ своею дивизіею и артиллеріею, также въ тотъ самый день, приблизился къ Сѣчи, и ставши за двѣ версты отъ оной, на открытомъ мѣстѣ, разбилъ свои палатки и велѣлъ выстроить въ линію всю свою артиллерію противу Сѣчи, не начиная однакожъ ни одного выстрѣла, а тоже и отъ Сѣчи не было никакого сопротивленія. И пока стоялъ Текелій въ палаткахъ около Сѣчи, два дни, въ теченіи сего времени чрезъ курьеровъ стало извѣстно уже всѣмъ, какъ Сѣчевому начальству, такъ и Текелію, что Россійскіе полки, заняли уже всѣ Паланки, всѣ мѣстечки и всѣ слободы, по всему Запорожью. Потомъ на третій уже

день послалъ Текелій своего курьера въ Сѣчь и просилъ всю Старшину Запорожскую къ себѣ въ гости. По полученіи таковаго извѣстія собравши Кошовый всѣхъ куренныхъ Отамановъ, въ сходку, начали совѣтоваться : а що панове-Отаманы, теперь будемъ робиты ; отъ Москаль у гости насъ кличе ! чи пидемъ , чи не пидемъ ; чи отдамо Сичь Москалеви, чи не отдамо ?—Тогда Отаманы и Ватажки и прочіе Характерники начали между собою бунтоваться ; иные согласны были смириться , а иные противилися въ надеждѣ своего характерства и говорили : нехай Текелій приведе еще стилько війска, якъ се , то мы всихъ въ пухъ розобьемъ ; якъ мухъ передавимъ ! чи то можно Сичь и славное Запорожье Москалеви отдати за спасибо ? сего николи, пока свитъ соньця, не буде !... ибо таковые отважники , были всѣ сиромы, бурлаки и не женаты , а притомъ и осѣдлостей ни какихъ не имѣли , потому и бунтовались. Но большая часть , какъ изъ Отамановъ , такъ и изъ богатыхъ козаковъ имѣя у себя женъ и дѣтей и прочія достаточныя обзаведенія по зимовникахъ, и разсуждая такъ : что хотя мы войско Текеліево, находящееся нынѣ въ лагеряхъ и истребимъ безъ-нужно, до ноги , но то бида, що ти полки , кои вступили уже въ наше владѣніе и заняли всѣ Паланки и слободы , услышавши наше сопротивленіе , разорять всѣ наши тамошніе пожитки , а женъ и дѣтей нашихъ безчеловѣчно уже предадутъ смерти , а потому и несогласны были,

на мнѣніе бунтовщиковъ отважныхъ. А сверхъ того и бывшій въ Сѣчи, Архимандритъ, услыша таковое ихъ нестроеніе и мятежъ, вышедши во всемъ священническомъ облаченіи изъ церкви, съ крестомъ, началъ уговаривать мятежниковъ: убойтеся Бога! что вы думаете дѣти? вы Христіане и подымаете руки противъ Христіанъ; вы Христіане и жаждете пролить кровь единоутробную! убойтеся и престаньте отъ таковаго начинанія: видно уже судьба наша такова, и мы пріемлемъ, отъ Бога, достойная по дѣломъ нашимъ! Вотъ вамъ крестъ, и Распятый на немъ, и если вы его не послушаете, то всѣ погибнете внезапно!...И отъ таковаго разительнаго увѣщанія, я думаю, говоритъ Коржъ, каменное сердце испустило-бы свои слезы, начали плакать не только мятежники, но и вся старшина и войско, и тутъ-же всѣ отвѣчали Архимандриту: ну панъ-отче, быть тому такъ! знавъ ты, що сказаты; мы готовы за тебе и головы наши положиты, не только послухати!—Ибо они особенное имѣли къ Архимандриту уваженіе, а также и ко всему духовенству единственно за то, что Архимандритъ бывало съ прочими іеромонахами попеременно, всякое Воскресенье и въ каждый праздничный день, говаривали имъ въ церкви проповѣди, наизустъ, самими разительными, по ихъ малороссійскому штылю, выраженіями, а чрезъ то самое, Запорожцы и награждали духовенство и довѣріемъ и дарами очень щедро.

Теперь возвратимся и паки къ ихъ совѣту. Потомъ когда уже и по увѣщанію Архимандрита и по прочимъ обстоятельствамъ всѣ къ единому мнѣнію склонились, то начали говорить Кошевому: ну батьку, вельможный пане! теперь якъ хочь, такъ и думай съ сими гостями, а мы готовы тебе слухать, чи идти, то идти? — тогда Кошевой имъ сказалъ: нельзя братцы нейти, бо вже се не дурниця! вы сами бачете, що москаль насъ отаковавъ кругомъ и артилерію на насъ всю вооруживъ; уже се гости такіе, що пишовши до нихъ, врядъ-ли назадъ вси вернемось. Но быть тому! такъ ничого уже довше думать. Господы поможи! дай Боже часъ добрый; ходимъ панове Отаманы; що буде, то буде, а билше буде такъ, якъ Богъ дастъ! — И потомъ взявши хлѣбъ и соль пошли всѣ къ Текелію въ палатку и поднесши ему оный говорили: кланяемся вашему превосходительству хлибомъ и силью! — Благодарю Запорожники за хлѣбъ и за соль! отвѣчалъ имъ Текелій, и приказалъ слугѣ своему взять хлѣбъ отъ нихъ и потомъ распрашивалъ: кто у нихъ Кошевый и какіе по немъ первые чиновники и какъ прозываются; и когда Кошевой стоя впереди, объяснился что онъ Калнышъ, а чиновники его — Судья Касапъ и Писарь Глоба, а прочіе всѣ, указывая на Отамановъ, Куренные Отаманы, тоже чиновники со всѣхъ 40 куриней. Тогда Текелій просилъ Кошеваго сѣсть, а также и прочимъ чиновникамъ даны были мѣста и

угостивши ихъ по приличію и распросивши, что слѣдовало, пошелъ съ ними въ Сѣчь, взявши съ собою часть офицеровъ и часть охранительнаго войска, и видя что Запорожцы здаются ему добровольно, приказалъ въ туже минуту закрыть свою артиллерію. И пришедши въ Сѣчь спросилъ Кошеваго: куда-же ты меня, Кошевой, прежде поведешь у гости?—Тогда Кошевой поклонившись просилъ его въ свой куринь, и всѣхъ офицеровъ, и предложилъ всѣмъ гостямъ богатую трапезу въ деревянныхъ ваганахъ и корякахъ, а также съ ложками и тарѣлками деревянными. Покушавши Текелій очень много благодарилъ за пищу и удивлялся чрезвычайно, что весь сервизъ даже и сосуды для напитковъ были деревянные, а пища чрезвычайно вкусная и разнообразная, и спросилъ у Кошеваго: кто у васъ такую вкусную пищу варитъ?—Кошевый отвѣчалъ: у насъ есть, ваше превосходительство, у куриняхъ козацкихъ очень хорошіе и искусные кухари.—Тогда Текелій просилъ Кошеваго, чтобы и ему отпустилъ такого одного кухаря и обѣщалъ положить ему хорошее жалованье; а Кошевому обѣщалъ дать два блюда каменныхъ, а также и всѣмъ куриннымъ Отаманамъ по одному блюду, чтобы такую хорошую пищу не ѣли изъ корытъ, а изъ блюдъ. При сихъ рѣчахъ и обѣщаніяхъ Текеліевыхъ, одинъ изъ числа бывшихъ тамъ куринныхъ Отамановъ, прозваніемъ Строць, обозвавшись сказалъ Текелію: ваше

превосходительство! хоть съ корыта, та до сыта; а хоть съ блюда, та до худа! — Тогда Текелій спросилъ Отамана: что это за нарѣчіе, я его непонимаю? Тогда Строць поклонившись ему началъ объяснять пословицу: извините меня, ваше превосходительство! вы трапезу изволите кушать изъ блюдъ, да лицемъ худы (ибо Текелій былъ хотя ростомъ и высокъ, но очень худощавъ), а мы изъ корытъ имо, да сыты: отъ, посмотрите добродію, на всихъ насъ яки мы, и розбирайте мою пословицу. Мы всегда изъ корытъ илы, та у воли и свободи жили и ни якого горя не знали, а ваша жизнь була подъ страхомъ и трепетомъ подъ всякій часъ, такъ, що сегодни панъ, а завтра пропавъ, и каменныя и золотыя блюда уже тогди ни въ пользу; такъ судитежъ милостиво, добродію, не правду-ли я кажу? Тогда Текелій чудился пословицею и остроуміемъ Строца, и не только непрогнѣвался за то, но и много благодарилъ Строца, трепая его по плечу. — Ну, Строць! благодарю за пословицу, она такъ справедлива, что справедливѣе быть не можетъ и я никогда ее забыть не могу; все что ни сказано въ ней, сказано къ стати, и дѣйствительно бываетъ такъ, ты какъ у око влѣпилъ, по пословицѣ; прости Строцъ! — Текелій, по пересказамъ уже послѣ, его офицеровъ, такой былъ трусъ и такъ боялся Запорожцевъ идучи до Сичи, що рѣдко коли ивъ и пивъ, а во снѣ жахався, мовъ отъ переполоху: бо винъ уже добре знавъ, що за цаця За-

порожцы и ишовъ къ нимъ вовсе противу своего желанія, принужденно и ожидалъ на всякій часъ смерти. Да и подлинно, если-бы Запорожцы по само-необходимѣйшимъ (какъ выше сказано) обстоятельствамъ добровольно Текелію не здалися, то никакое-бы войско ни подъ какимъ видомъ одолѣть ихъ не могло. Потомъ когда уже Текелій пообѣдалъ и распростился съ Кошевымъ и Отаманами, то долго еще любопытствовалъ по всей Сѣчи и осматривалъ всѣ курини Запорожскіе и всѣ ихъ пожитки, а наконецъ возвратился въ лагерь и стоялъ въ ономъ болѣе недѣли; въ теченіи этого времени офицеры Русскіе и солдаты приходили въ Сѣчь, а козаки и Отаманы посѣщали ихъ лагери, и другъ съ другомъ гуляли и обходились свободно и вольно. Послѣ того Текелій призвавши къ себѣ Кошевого, Судью и Писаря и прочитавши имъ именный Высочайшій указъ, велѣлъ имъ всѣмъ троимъ готовиться къ Императрицѣ въ Санктпетербургъ, куда въ скорости и были отправлены, но не всѣ, ибо Судья Касапъ, до отъѣзда еще, въ скорости заболѣвши, умеръ и погребенъ въ Сѣчи, а отвезены только два т. е. Калнышъ и Глоба. Текелій-же принявши всю Запорожскую палестину въ свое правительство, привелъ всѣхъ Запорожцевъ къ присягѣ и устроивши всѣ свои порядки, какіе слѣдовало, тогда уже сталъ быть безопасенъ; однако находился все еще въ лагеряхъ. Между симъ временемъ войско

Запорожское видя, что Старшина ихъ отправлена въ столицу, а заведенные Московскіе обычаи и порядки не по ихъ вкусу, сильно поколебались и начали козаки думы думать, да гадать: якъ-бы Москаля у шоры убрать, а самымъ де-сь дальше мандрувать; и придумали вотъ що. Собрали прежде 50 человѣкъ козаковъ и послали къ Текелію съ хлибомъ и силью у гости, которые пришедши къ нему говорили: кланяемся добродію хлибомъ и силью!— Благодарствую, благодарствую, Запорожники, за хлѣбъ и за соль; что вы мнѣ скажете? спрашивалъ ихъ Текелій. А отъ що, добродію! мы чули, що намъ уже безъ письменнаго вида и билетивъ неможно никуды изъ Сичи отлучатыся!.. такъ, такъ, Запорожники, не отлучайтесь никуда безъ вѣдома моего.—Та для тогожъ-то, пане, вѣдома мы и пришли, щобъ намъ хоть одинъ билетъ на всихъ написали: бо мы будемъ купы держатися и никуды врозь не росплывемось.—Хорошо, хорошо, продолжалъ Текелій, да какъ-же у васъ прежде-то было? примолвилъ онъ. Та у насъ, пане, сихъ билетивъ николи небувало, ни батьки, ни диды наши ихъ незнали, да и прадиды не чували, и кто куда хотивъ туда и ишовъ и ихавъ.—Да куда-же вы теперь хочете идти съ билетами, спросилъ опять Текелій, и за чемъ?—въ Тилигулъ добродію на заробитки, до «лямы», бо въ насъ, проклята мати ма, ни сорочки, ни штанивъ, якъ бачишъ, голая сирома: а щежъ треба буде, може коли

нибудь и подушне заплатиты, та и панамъ трохи у дѣлити? — Тогда Текелій громко разсмѣялся и захохоталъ, потомъ сказалъ имъ: ступайте, Запорожники, съ Богомъ, заработывайте себѣ, да и въ казну-ту собирайте.—Чуемъ, добродію, чуемъ! и поклонившись всѣ козаки ему разомъ, пошли въ полковую его канцелярію, а Текелій призвавши адъютанта, велѣлъ выдать имъ билетъ одинъ, на всѣхъ 50 человѣкъ. Когда-же сіи козаки получили уже отъ канцеляріи билеты, то собравшись со всею своею амуниціею и харчовыми клунками, взяли съ собою нѣсколько лодокъ, по числу гребцовъ, тоже нагруженныхъ экипажомъ и сѣвши въ оныя тайно, почью, не только тѣ, кои имѣли билеты, но и безбилетныхъ столько забрали, сколько въ лодкахъ помѣститься могло, можетъ быть до 1000 человѣкъ, и зашумѣли въ низъ, до Тилигула. Потомъ спустя нѣсколько дней пришли и еще 50 человѣкъ къ Текелію за билетомъ, и получивши билетъ, такимъ же порядкомъ сдѣлали какъ и первые, не забывъ взять съ собою и безбилетныхъ сколько помѣстить могли. Такимъ образомъ видя козацтво, що въ билетахъ имъ никому отказа нечинятъ, пришла и еще часть войска, въ третій разъ, и просили тоже билета какъ и прочіе, до Тилигула, и получивши оный, невыступили изъ общаго хитраго своего умысла ни на черту, какъ выше сказано: уѣхала также и сія козацкая шайка, какъ слѣдуетъ, по надлежащему. Каковымъ спо-

собомъ и порядкомъ и вся уже сирома со всѣхъ 40 куриней, получая билеты подъ предлогомъ Тилигула, убралась почти вся подъ Турка, кромѣ слѣпыхъ, кривыхъ и престарѣлыхъ. По каковымъ случаямъ видя Текеліевы офицеры, что Сѣчь остается почти пустая, начали рапортовать ему, что въ Сѣчи нѣтъ никого козаковъ, и расказали ему всѣ ихъ хитрости и умыслы. Тогда Текелій хватился за голову, но поздно, и спрашивалъ офицеровъ: да гдѣ жъ тѣ, да гдѣ-жъ тѣ и куда ушли, вѣдь они просили билетовъ въ Тилигулъ, на заробитки?—Потомъ сильно осердясь пошелъ въ палатку и былъ въ великой задумчивости и скорби чрезъ обманъ простой сиромы, такъ, что ни съ кѣмъ не говорилъ и никуда невыходилъ чрезъ цѣлый тотъ день. Какъ вдругъ являются и послѣдніе еще оставшіеся Сѣчовые козаки, очень уже малое ихъ количество, человѣкъ около 10 и кланяются съ хлѣбомъ, по обычаю, и говорятъ Текелію: повели и намъ, вельможный пане, выдати билетъ на заробитки! — Да вамъ куда уже билеты, злые Запорожники? съ гнѣвомъ отвѣчалъ Текелій — въ Тилигулъ, пане, до ямы, въ Тилигулъ! — все въ Тилигулъ, все въ Телигулъ, такіе вы и разтакіе, а городъ пустой оставили; не велю вамъ никому билетовъ выдавать! — И согналъ ихъ съ глазъ, однакожъ и сіи послѣдніе, хотя и безъ билетовъ, также закивали пятами, въ слѣдъ за своею сиромою, и подяковали Текелію за хлибъ

и за силъ. Наконецъ Текелій приказалъ призвать къ себѣ всѣхъ куринныхъ Отамановъ; но ихъ пришло къ нему не болѣе десятка, коихъ онъ спросилъ со гнѣвомъ: чтожъ вы пришли ко мнѣ не всѣ? — Якъ-жс намъ пане всимъ прійти, що нима никого по куриняхъ! — Да гдѣжъ они; что ихъ нѣтъ? — Отаманы, пане, разъѣхались по зимовникамъ, а сирома безъ вѣсти розбрелась, да и мы думаемъ по домамъ: чого мы тутъ будемъ, и кимъ будемъ командовать: Старшину у насъ отобрали, а козацкаго войска нема! — Да гдѣ-жъ ваше войско, вскричалъ Текелій, и гдѣ ваши козаки? — Якъ пане, де, а же-жъ вы имъ билеты подавали на заробитки, туда де рыба ни почому, — чи въ Тилигулъ, чи що? Тогда Текелій сильно осердясь накричалъ на Отамановъ и выгналъ ихъ изъ палатки, и наконецъ проживши еще около Сѣчи нѣсколько времени, того-же лѣта уѣхалъ въ Столицу, а войско его стояло семь лѣтъ въ предѣлахъ Запорожскихъ, пока совершенно утвердились обычаи Московскіе. Вотъ какимъ образомъ знатная козацкая Сѣчь атакована и славное Запорожье воспріяло конецъ самоправію! Бѣжавшіе-же Запорожцы изъ Сѣчи, подъ Турка, приняты Султаномъ подъ свою державу и велѣно поселить ихъ у устья Дуная, близь Чернаго моря, на самой лучшей и выгоднѣйшей для нихъ землѣ въ разсужденіи рыбной и звѣриной ловли, а также и прочихъ выгодъ, и находилися тамъ до нынѣшняго времени, по 1830

годъ, слишкомъ 50 лѣтъ, даже до послѣдней Турецкой войны, и по нѣкоторому случаю во время той-же войны передались опять подъ Россійскую державу, подъ предводительствомъ Кошоваго Осипа Михайловича Гладкого и находятся нынѣ —одна часть изъ нихъ по квартирахъ, въ разныхъ селеніяхъ Днѣпровскаго уѣзда, а другая часть военныхъ козаковъ, въ походѣ, на Турецкой границѣ.

VIII.

О НАЧАЛѢ ГОРОДА ЕКАТЕРИНОСЛАВА.

Начиная отъ давнихъ временъ Запорожскихъ, Екатеринославъ имѣетъ уже четвертое названіе: 1-е было Половица *), 2-е Екатеринославъ, 3-е Новороссійскъ, а 4-е опять Екатеринославъ. Но прежде скажемъ о Половицѣ. Когда зашли предки мои въ сію украйну, въ Новые-Кодаки, какъ выше сказано, то на мѣстѣ семъ не болѣе было шести хатъ и жили хозяева зимовниками: первый прозваніемъ Крошко, а имя упомнилъ; второй За-

*) О причинѣ названія Половицы симъ именемъ, много бываетъ разговоровъ между Екатеринославцами, любящими и понимающими цѣну старины. Большая часть изъ нихъ полагаютъ, что Половица названа такимъ образомъ отъ самаго перваго ея обывателя, который вѣроятно прозывался Половикъ. Такъ точно и другія многія селенія по Екатеринославской губерніи отъ своихъ коренныхъ жителей имя свое заняли. Напримѣръ: Гупаловка отъ Гупала, Котовка отъ Кота и проч.

порожецъ Андрей Токарь; а третій, Лазарь Глоба. Крошко жилъ на томъ мѣстѣ гдѣ нынѣ гимназія. Токарь жилъ гдѣ нынѣ домъ штабъ-лѣкаря Роде*), а Глоба жилъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Свѣтлѣйшаго домъ и казенный садъ, внизу надъ Днѣпромъ, подъ скелею, гдѣ его и мельница **) была, одна на каменьяхъ устроена, а другая байдашная для фолюшей, въ коей валили сукна; съ нимъ т. е. Глобою и еще жилъ одинъ козакъ женатый, Игнатъ Сидоровичъ Каплунъ; а тутъ-же и мой собственный (Коржевъ) домъ былъ и мы жили всѣ трое съ своими семействами въ одной хатѣ подъ одною крышою, въ коей было два отдѣленія т. е. двѣ избы. На томъ самомъ мѣстѣ и на тѣхъ печищахъ, гдѣ общій былъ нашъ домъ, нынѣ уже устроена караулка, для

---

*) Домъ лѣкаря Роде, находится противу нынѣшней Екатеринославской Семинаріи, которой и принадлежитъ, на другой только сторонѣ дороги, лежащей между семинаріею и домомъ Роде.

**) Мельницы тутъ теперь ни какой нѣтъ и быть не можетъ, потому, что вода въ каждое лѣто оскудѣваетъ такъ, что по дну пролива ѣздятъ въ сухое время на телѣгахъ и собираютъ для строеніи подводный камень: чего прежде нельзя было дѣлать, по всегдашнему великому изобилію воды и по стремительному оной теченію. По причинѣ сей и предполагалъ Свѣтлѣйшій Князь Потемкинъ, сдѣлать тутъ подъемный мостъ, чтобы чрезъ оный ходить съ праваго берега Днѣпра на такъ называемый островъ Монастырскій, гдѣ располагалъ учредить Екатеринославскій Университетъ. Строенія университетскаго въ Екатеринославѣ не начинали: но профессоры для онаго дѣйствительно уже назначены были; и получали изъ казны жалованье. Въ томъ числѣ состояли: профессоръ Сельскаго Хозяйства, М. Леванов, авторъ «Наставленія къ умозрительному и дѣлопроизводному земледѣлію», изд. въ Санктпетербургѣ, 1788 года въ 2-хъ частяхъ, in 8°. Сартій, титуловавшійся директоромъ Екатеринославской музыкальной академіи и др.

сторожей и часовыхъ солдатъ, кои теперь караулятъ казенный садъ, и живутъ въ караулѣ у берега надъ самымъ Днѣпромъ. А что сказано о моемъ жительствѣ, гдѣ нынѣ Михайловка, по рѣчкѣ Сурѣ, то дѣйствительно тогда за давнихъ временъ Запорожскихъ владѣлъ и я тѣмъ участкомъ, и имѣлъ тамъ зимовникъ и скотоводство, а тутъ тоже имѣлъ домъ съ Глобою. Сей Глоба былъ не женатъ и перешедши сюда на жительство изъ Новыхъ-Кодакъ, въ коихъ имѣлъ онъ челядь, до 15 человѣкъ портныхъ, занимался также и садоводствомъ, и мы съ нимъ въ двоемъ, по всей горѣ нашего участка разсаживали деревья *). И сей нынѣ называемый казенный садъ, гдѣ Потемкина домъ, первоначально нами разведенъ былъ; а какъ мой товарищъ, вышеупомянутый Глоба, былъ охотникъ до садоводства, то занялъ и еще небольшой участокъ для саду, недалече отъ насъ, около озера, вверхъ по Днѣпру, гдѣ нынѣ фабрики; засадивши садомъ оный участокъ, потомъ занялъ и еще столько-же мѣста какъ и прежде и разведши по всей той площади удивительный садъ, въ томъ мѣстѣ скончался отъ глубокой старости и погребенъ въ саду, живъ болѣе 100 лѣтъ на свѣтѣ. Нынѣ на

*) Есть точно и нынѣ тутъ деревья. Онѣ довольно толсты и высоки — осокорь, по большей части. Вода весною ихъ подмываетъ; оттого они падаютъ, и тѣмъ годъ отъ году убавляются, тѣмъ паче, что немалое число деревъ, въ предыдущихъ годахъ, по распоряженію городскаго начальства, срублено.

томъ самомъ мѣстѣ обзаведенъ тоже казенный садъ и зрится доселѣ еще надъ гробомъ его каменный столбъ *), вмѣсто памятника. О прочихъ-же трехъ козакахъ, кои жили здѣсь, по сосѣдству съ нами, зимовниками, а равно и о именахъ ихъ и прозваніяхъ, за давностію уже не помню. Но возвратимся опять къ Половицѣ: отъ чего она получила свое названіе?—Въ сихъ мѣстахъ, начиная отъ Старыхъ-Кодакъ, какъ я еще помню, и до Новыхъ, по всей горѣ, простирающейся по надъ Днѣпромъ, были чрезвычайно великіе лѣса и густыя чагарники, между коими чагарниками были и поляны сѣнокосные, кои въ разсужденіи малаго числа жителей и не бывалыхъ еще до того времени зимъ, никогда неискашивались и хлѣбопашествомъ не засѣвались, по каковымъ причинамъ грунтъ земли на оныхъ полянахъ отъ древности сильно утвердившись, таковое множество производилъ полуницъ т. е. ягодъ полуничныхъ, что отъ изобилія оныхъ всѣ окрестные жители въ удивленіе приходили, и ни кто ихъ собрать не могъ. И если бывало оные поспѣютъ и захочетъ кто изъ любопытства проѣхать повозкою чрезъ тѣ поля, то всѣ колеса такъ сдѣлаются мокры, какъ отъ воды, а краскою покрыются, будто краснымъ сафьяномъ обшиты; отъ каковой чрезвычайной и неслыханной рѣдкости и удивленія людскаго

*) Столбъ каменный точно есть.

названо и мѣстечко оное отъ предковъ нашихъ, Запорожцевъ; Половицею, въ коей множество было полуницъ. Теперь слѣдуетъ сказать еще и о Новороссійскѣ. Половица и по атакованіи еще Сѣчи долго существовала, даже дотоль, пока Кременчугская губернія переведена была въ Половицу и переименована Новороссійскою губерніею, и какъ-бы имѣла нѣкоторое состязаніе съ Новороссійскомъ и долго ему противилась, по той причинѣ, что городъ получившій названіе Новороссійска *), построенъ былъ прежде не на мѣстѣ Половицы, но по ту сторону Днѣпра, при самомъ устьѣ рѣчки Самары, гдѣ нынѣ Горѣнь и оставался на томъ мѣстѣ не болѣе 2-хъ лѣтъ. Ибо когда умножилась вода въ Днѣпрѣ и въ Самарѣ, во время сильнаго полноводья (не помню въ какомъ году), по причинѣ низменнаго и не такъ выгоднаго для города тамъ мѣста, весь Новороссійскъ покрытъ былъ водою, а потому уже и принужденъ со всѣми правами и судами т. е. присутственными мѣстами, перенестися въ Кременчугъ, на старое свое мѣсто. И когда не Новороссійская,

---

*) Повѣствователь здѣсь погрѣшаетъ. Новороссійска на устьѣ рѣчки Самары никогда не было, а былъ Екатеринославъ, губернскій городъ Азовской губерніи. Сей Екатеринославъ вовсе упраздненъ, и поставленъ вмѣсто его, на самомъ Днѣпрѣ, другой Екатеринославъ, который и нынѣ тамъ существуетъ. Онъ то переименованъ былъ при Государѣ Императорѣ Павлѣ въ Новороссійскъ, но при Государѣ Императорѣ Александрѣ получилъ прежнее свое имя.

но Кременчугская стала быть опять губернія, то Половица все еще не теряла своего титла и славилась старѣйшинствомъ своимъ до позднихъ лѣтъ, т. е. по 1786 годъ *), даже до самаго прибытія Императрицы въ здѣшнюю украйну и до устроенія города Екатеринослава. И когда она увидѣла, что Половица между Кременчугомъ Новороссійскимъ и Екатеринославомъ, какъ-бы неутралитетъ держитъ, то и сказала, кому Богъ прежде поможе, того и она сторону возьметъ. Теперь надобно намъ возвратиться къ обуреваемому волнами Новороссійску, ибо онъ освободясь отъ потопленія со всѣми высшими правами укрылся въ Кременчугскомъ пристанищѣ, а низшіе его суды, какъ-то: уѣздный, земскій и полиція, неубоясь воднаго естества оставались тутъ-же на Самарѣ, и во время полноводья и не далеко оттолѣ въ Новоселицѣ, противу быстроты рѣчной, какъ-бы на быстрыхъ крыльяхъ перелетѣли, ибо Самара, послѣ Запорожья, по распоряженію губернскаго начальства Новоселицею переименованная, получила уже себѣ новое Россійское названіе, и по учрежденіи въ ней уѣзда Новомосковскаго, самый городъ, въ разсужденіи своей судебной зависимости принадлежалъ тогда къ Кременчугской губерніи, а не къ Новорос-

*) Прибытіе Государыни Императрицы Екатерины II, въ здѣшнюю украину было въ 1787 году. Тогда и заложена въ Екатеринославѣ соборная Преображенская церковь.

сійской; и такъ Новороссійскъ славившійся своими преимуществами и торжествовавшій надъ Половицею, утратилъ на всегда свое достоинство, невозвратно. Наименованіе-же его было Новороссійскъ, по мнѣнію моему, отъ слова Новая Россія, ибо вся сія украйна, и вся палестина со всѣхъ трехъ губерній состоящая, не есть издревле собственно наша земля, но чужая и чужихъ владѣльцевъ и въ послѣдствіи времени разными способами, случаями и разными Россійскими Царями пріобрѣтена, завоевана и присоединена вновь къ истой нашей Россіи, отчего и названа Новороссія или Новая Россія; а слѣдовательно и Новороссійскъ городъ, отъ сего названія воспріялъ свое начало. Наконецъ узнаемъ и о существующемъ нынѣ Екатеринославѣ (о коемъ и рѣчь наша): по каковому случаю и онъ получилъ свое наименованіе. Но поелику между сею эпохою шествовала Екатерина по всѣмъ Россійскимъ городамъ и областямъ, то и мы также начнемъ прежде, о семъ, повѣствованіе наше.

IX.

О ПУТЕШЕСТВІИ ИМПЕРАТРИЦЫ.

Когда блаженной памяти Императрица Екатерина II, изволила выѣхать изъ столицы

въ 1785 году *), для обозрѣнія и посѣщенія всѣхъ вѣрноподданныхъ чадъ своихъ, то не подобало-ли быти всѣмъ имъ бдящимъ и чающимъ пришествія господа своего, и не довлѣло-ли быти въ готовности къ принятію таковаго рѣдкаго и великаго гостя? Дѣйствительно должны были всѣ быть во всякой исправности, ибо мы (просто рещи) суще и сынове Господа, но обовязаны другъ другу каждому воздавати должная, по реченному, кольми-же паче царскому лицу, яко помазаннику Божію, подобаетъ всякая честь и слава. Потому уже не только во всѣхъ Россійскихъ губерніяхъ и городахъ, гдѣ были назначены станціи и перепочивки, устроены царскіе гостинные и великолѣпные дворцы и по всѣмъ трактовымъ мѣстамъ, расчищены были трактовые дороги и устроены версты надлежащимъ порядкомъ; словомъ, все приведено было въ наилучшій видъ благопристойности. Также и въ Малороссіи, начиная отъ предѣловъ ея, примыкающихся къ Россіи, до самаго Кіева, вдоль по трактовымъ мѣстамъ, расчищены были большія дороги, а гдѣ лѣсныя мѣста — дѣлали просѣки и по всѣмъ таковымъ большимъ дорогамъ, съ обѣихъ сторонъ ставили частыя кучки, а въ иныхъ губерніяхъ вмѣсто кучекъ, дѣлали земляныя треугольники, по гетмански называемые

*) Ошибка относительно года путешествія Императрицы замѣчена выше.

«брылики или брыли», въ коихъ кучахъ и треугольникахъ насаживали разныя деревья, по обѣ стороны дороги, отъ чего видъ былъ чрезвычайный, какъ на картинѣ. Изъ числа сихъ деревьевъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до днесь еще многіе существуютъ и поросли очень велики, толсты и высоки. Въ здѣшней-же украйнѣ т. е. въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ, по грунту земли и достатку дикаго камня, были поставлены, на трактовыхъ дорогахъ, высокіе каменные мили, одна отъ другой въ 10 верстахъ; нѣкоторые изъ нихъ и доселѣ по Херсонской дорогѣ видны и называются памятниками Потемкина *), поелику онъ приказалъ ихъ въ тѣ времена устроить. Потомъ, когда уже Императрица изволила выѣхать изъ Россіи, въ Малороссію, то прямымъ путемъ достигла даже до самаго Богоспасаемаго града Кіева, гдѣ посѣщала храмы Господни и святыя мѣста, въ которыхъ почиваютъ мощи угодниковъ Божіихъ, и потомъ осмотрѣвши всѣ достопамятности, древняго и славнаго города Кіева и всѣ мѣстоположенія онаго, заблагоразсудила въ ономъ остаться, на все зимнее время. Новороссійская-же наша украина, бывъ предварена о прибытіи Императрицы въ Кіевъ, также

*) Таковая миля находится и въ Екатеринославѣ, подлѣ Соборной Преображенской церкви. Она стояла на земляномъ курганѣ, который потомъ въ 1834 году срытъ, и миля, вмѣсто того, обдѣлана камнемъ съ желѣзнымъ балюстрадомъ.

была во всей исправности, относительно встрѣчи Государыни. По предписанію, указомъ Кременчугской губерніи, Ново-Кодацкому городничему Василію Ильичу Шостику, выстроенъ былъ въ Новыхъ-Кодакахъ великолѣпный царскій дворецъ; но приставники онаго или смотрители, когда начали окуривать внутрь онаго комнаты, какими-то благовонными ароматами, то по неосторожности зажгли комнату, и весь царскій дворецъ обратили въ пепелъ. Когда было донесено Императрицѣ о згорѣвшемъ дворцѣ, то она указомъ повелѣла, чтобы таковой-же дворецъ, выстроенный въ Малороссіи, надъ рѣчкою Орелью, въ мѣстечкѣ Царичанкѣ, разобрать, и перевезти въ Новые-Кодаки, и поставить опять на томъ-же мѣстѣ, что было и учинено вскорѣ по той причинѣ, что Императрица не располагала уже быть въ Царичанкѣ, а предположенъ былъ ей путь особый. Ибо она, по окончаніи зимы, въ слѣдующую весну, когда отправилась изъ Кіева, то изволила шествовать не сухопутьемъ, а водою, въ низъ по Днѣпру, на великолѣпномъ и разукрашенномъ фрегатѣ, со всею царскою свитою, и продолжала свой путь на таковыхъ водоходныхъ судахъ до самаго Кременчуга, а оттоль и до нашихъ предѣловъ. Но по причинѣ весеннихъ непостоянныхъ вѣтровъ и сильныхъ непогодъ, не могла достигнуть до Новыхъ-Кодакъ, водою, а выше Романкова, противу дачи помѣщика Сошина, велѣла выгрузиться на

сухопутье и въ каретѣ уже изволила прибыть къ царскому Ново-Кодацкому дворцу. Съ нею прибылъ вмѣстѣ и Римскій Императоръ Іосифъ и свѣтлѣйшій Потемкинъ. Римскому Императору отведена была квартира, въ домѣ священника Кодрата, — этотъ домъ еще и по сіе время существуетъ; а Потемкинъ былъ въ царскомъ дворцѣ, въ особыхъ палатахъ. И такъ Императрица изволила пробыть въ томъ царскомъ дворцѣ болѣе недѣли, дожидаясь своихъ водоходныхъ судовъ и всей царской свиты; между симъ временемъ посѣщала она Половицу и всѣ мѣстоположенія и окрестности оной обозрѣвала. Здѣсь-же въ Новыхъ-Кодакахъ, у берега рѣки, до прибытія Императрицы, выстроена была по повелѣнію ея, высокая башня, для пристани судовъ, родъ колокольни, безъ верха, съ малымъ куполомъ, наподобіе маковки, и сдѣланъ былъ изъ башни, на рѣку Днѣпръ, деревянный небольшой мостъ, сажня на три длиною, въ воду; вся-же башня расписана была разными цвѣтами. Потомъ когда уже пришли царскіе суда до Новыхъ-Кодакъ и стали на якоряхъ, по всему Днѣпру, противу выстроенной башни, то видъ казался взору чрезвычайно удивительнымъ, поелику весь Днѣпръ украшенъ былъ разныхъ цвѣтовъ, на судахъ, распущенными знаменами. Когда донесено было Императрицѣ, что суда прибыли къ Кодацкой пристани,

то въ туже минуту, велѣла она Потемкину спросить здѣшнихъ Стародо-Кодацкихъ и Камянно-лоцманскихъ лоцмановъ: могутъ-ли ея суда пройти чрезъ пороги? и когда было сіе учинено и лоцманы Старо-Кодацкіе осмотрѣли, въ присутствіи Потемкина, царскія суда, то отвѣчали Потемкину, что ни одно судно, чрезъ пороги пройти неможетъ, по той причинѣ, что суда были всѣ съ деменами, т. е. съ рулями, кои очень глубоко идутъ въ водѣ; а просили Потемкина, чтобы позволено было всѣ рули выбросить, а придѣлать стерна, т. е. опачины, или длинные весла. О каковыхъ всѣхъ обстоятельствахъ Потемкинъ, объяснивши Императрицѣ, велѣлъ демена отбросить, а стерна вдѣлать; что было и учинено. Тогда Императрица вздумала и сама, первое, осмотрѣть башню, которой она еще не видала; а второе, поглядѣть и на стерна, для чего приказала свѣтлѣйшему, чтобы одно судно, въ коемъ она изволила путешествовать, придвинуто было къ башнѣ, до самаго мосту, и затѣмъ пріѣхавши съ Римскимъ Императоромъ къ пристани и вышедши изъ кареты, осматривала башню, и прошедши воротами сквозь оную, дойдя по мосту до судна, осмотрѣвъ стерно, удивлялась много. Ибо она еще никогда таковыхъ орудій, на простыхъ судахъ не видѣла и сказавъ: можетъ-ли судно такою чудною лопатою исправно дѣйствовать, и пройти чрезъ пороги? тотчасъ

приказала двинуть судно въ походъ и дѣйствовать онымъ сюда и туда, для пробы, и пристать къ мѣсту, гдѣ оно и прежде было. Когда увидѣла, что здѣшніе Камянно-лоцманскіе и Старо-Кодацкіе лоцманы, сидѣвшіе тогда на ономъ суднѣ, управляютъ лопатою, самымъ чуднымъ, проворнымъ и удивительнымъ образомъ, то улыбнулась и была очень довольна распоряженіемъ Потемкина, и велѣла ему спросить, кто между ними т. е. между лоцманами по старше и кто называется у нихъ отаманомъ и замѣтить имя и прозваніе. Что было и учинено. Первый изъ нихъ былъ отаманъ Моисей Ивановичъ Полторацкій, житель лоцманской Камянки, а второй, товарищъ и помощникъ его прозваніемъ, Непокрытенко, изъ Старыхъ-Кодакъ жительствомъ. Потомъ Государыня возвратяся обратно въ дворецъ приказала свѣтлѣйшему, чтобы лоцманы рушили въ походъ со всѣмъ царскимъ ея флотомъ, до пороговъ, когда залагаема и освящаема будетъ на горѣ соборная церковь. На другой день, послѣ того, изъ Новыхъ-Кодакъ Императрица изволила шествовать со всею царскою свитою, въ разныхъ богатыхъ и великолѣпно убранныхъ экипажахъ, до назначеннаго мѣста, на коемъ имѣла быть заложена церковь, гдѣ нынѣ оная и сооружена *).

---

*) Церковь сія дѣйствительно хотя и сооружена въ 1834 году, по повелѣнію Государя Императора Николая, написавшаго

Около того мѣста устроена была палатка *), для походной полковой церкви, въ коей тогда отправлялось служеніе и преосвященный Амвросій, совершалъ литургію, гдѣ и я, грѣшный старецъ Коржъ, удостоился быть. Пришедъ на начало, я слушалъ св. литургію, стоя въ самой срединѣ, около пѣвчихъ. Прибывшія-же Императрица къ полковой церкви съ Римскимъ Императоромъ и вышедши изъ кареты, изволила итти въ церковь по сходцамъ, и свѣтлѣйшій поддерживалъ ее подъ руку: ибо оная церковная палатка была на аршинъ, или глубже, вкопана въ землю, а потому и ступеньки въ нее подѣланныя были устланы, какъ онѣ такъ и полъ всей церкви, разноцвѣтными коврами. Въ церкви во время служенія не было никого больше, кромѣ пѣвчихъ, да прибывшихъ съ Государынею фрейлинъ 12 душъ. Римскій Императоръ только заглянулъ въ церковь и пошелъ тотчасъ со свѣтлѣйшимъ и прочими генералами къ тому мѣсту, гдѣ расчищали землю, подъ заложеніе собора. А вся свита царская съ прочими зрителями, коихъ было многое множество, или лучше

собственноручно: «быть тутъ церкви, гдѣ оная заложена Императрицею Екатериною.» Однакожъ сооружена гораздо въ меньшемъ, противу заложенной, размѣрѣ. А все то пространство, которое назначалось для первой церкви обнесено оградою, гдѣ небольшой монументъ поставленъ Императрицѣ Екатеринѣ, изъ мраморнаго камня, вывезеннаго изъ древняго Херсонеса, что въ Крыму.

*) Мѣсто палатки для походной полковой церкви и теперь еще примѣтно.

сказать несмѣтное число разнаго народа, званія и пола, всѣ вокругъ стояли; да и не только съ здѣшнихъ мѣстъ и околичныхъ городовъ и селеній, но и самые дальніе, за нѣсколько сотъ верстъ живущіе люди, сюда пріѣзжали, ради сугубой причины: какъ для церемоніи церковной, при заложеніи церкви, такъ и ради прибытія Императрицы, дабы удостоиться увидѣть Ея царское лицо. Да и кто не почудится таковому важному зрѣлищу, можетъ быть и во 100 лѣтъ, или въ нѣсколько вѣковъ, въ здѣшней украйнѣ, въ первый разъ еще случившемуся? Азъ же убогій старецъ Коржъ, стою въ церкви и ожидаю окончанія св. литургіи. Когда-же окончена была литургія, то преосвященный Амвросій поднесъ крестъ Императрицѣ, къ коему Она приложившись, поклонилась на обѣ стороны и пошла къ вышереченному устроеваемому мѣсту, на заложеніе церкви, въ провожаніи свѣтлѣйшаго, который тогда опять пришелъ въ церковь полковую, подъ конецъ уже литургіи. Мѣсто-же устроеваемо было подъ церковь, по размѣру только и смѣтѣ: гдѣ долженъ быть фундаментъ, одни дорожки почистили, да землю поравняли, ибо на скорый и внезапный случай неуспѣли вырыть фундамента, а рыли уже рвы послѣ проѣзда царицы. Тутъ также по срединѣ мѣста сего, гдѣ долженъ быть престолъ цер–

ковный, выкопана была большая яма, на подобіе пещеры или склепу, глубиною почти въ сажень, а шириною болѣе двухъ, вся устланная камнемъ, съ таковыми-же сходцами, кои покрыты были коврами, какъ и весь полъ склепа. Въ семъ склепѣ устроена была еще и маленькая пещерка или печурка, «ковчежецъ» (родомъ шкафки или щуфлядки *), подъ самый бокъ склепа, глубоко удѣлана и устлана тоже дикимъ камнемъ, для сохраненія царской грамматы, на золотой доскѣ написанной. Потомъ начатъ былъ церемоніалъ, случаю сему приличный, такимъ образомъ весь соборъ архіерейскій со всѣмъ духовенствомъ, и со всею процессіею зашедши сначала отъ полудня, потомъ обратясь къ востоку сдѣлали крестный ходъ прямою среднею линіею, по расчищенному мѣсту, до самаго центра, гдѣ долженъ быть престолъ, а преосвя-

---

*) Повѣствователь и здѣсь, подобно выше сказанному, ошибается. Ковчежецъ съ серебряною и золотою монетою, — начиная отъ пятачка до имперіала, поставленъ былъ не на мѣстѣ долженствовавшаго быть церковнаго престола, но въ основаніи самой передней стѣны противу олтаря. Изъ сего основанія ковчежецъ оный, при новой закладкѣ той-же церкви, въ меньшемъ размѣрѣ, извлеченъ, чтобы положить его подъ основаніе новое. Такъ точно и здѣлано, тѣмъ самымъ порядкомъ, какой примѣченъ при своеручной закладкѣ церкви Государынею Императрицею. Не граммата царская найдена тутъ, но мѣдная доска, густо позолоченная, съ приличною времени и обстоятельствамъ, надписью. Сія самая доска положена опять въ основаніе церковное съ ковчежцемъ и другою надписью, времени также приличною. За истинну свидѣтельства сего ручается свидѣтель, потому, что самъ онъ былъ, по благости Господней и дѣйствующимъ лицемъ, при второй закладкѣ, при строеніи церкви и при самомъ освященіи оной. А все то пространство, которое назначалось для первой церкви, обнесено оградою.

щеннѣйшій Амвросій идучи съ крестомъ, кропилъ святою водою на обѣ стороны, и пришедши церемоніально къ уготованному мѣсту большой пещеры, какъ выше сказалъ, остановились всѣ какъ преосвященнѣйшій, такъ и Императрица съ Римскимъ Императоромъ и свѣтлѣйшимъ, и начали чинно сходить по ступенькамъ въ оную пещеру, гдѣ ставши, по обычаю слушали церковное славословіе, совершавшееся по чиноположенію, по окончаніи коего преосвященнѣйшій прочитавъ молитву, освятилъ граммату и мѣсто, и окропилъ все сіе, святою водою, крестообразно. Потомъ Императрица перекрестившись, къ востоку, и поклонившись на обѣ стороны, изволила сама взять граммату своими руками и положивши оную во уготованномъ мѣстѣ пещерки, какъ выше сказалъ, опять перекрестилась и поклонилась на обѣ стороны. За симъ вслѣдъ изволила жертвовать также и деньгами, серебренною и золотою монетою, а сколько оныхъ числомъ, мнѣ неизвѣстно, но знаю, что и онѣ тудаже были положены, гдѣ и граммата. Между симъ временемъ и дѣйствіемъ, архіерейскіе пѣвчіе пѣли Императрицѣ многолѣтствіе и всей царской фамиліи. Потомъ, въ продолженіи духовной царской музыки и пушечной пальбы, каменщики живо принялись за свою работу, и замуровавши все то мѣсто, гдѣ долженъ быть престолъ, поставили въ верху склепа, каменный крестъ. Императрица стояла при нихъ

дотолѣ, пока все дѣло было кончено и приведено въ порядокъ, какъ слѣдуетъ. Такимъ образомъ церемоніалъ былъ конченъ, мѣсто освящено и соборная церковь заложена на имя Императрицы Екатерины о 12 престолахъ. Въ тоже самое время, въ тотъ день и часъ и городъ сей, отъ устъ самыя Императрицы, получилъ свое наименованіе: въ честь и славу Великой Екатерины II, названъ Екатеринославомъ и повелѣно было, имяннымъ Высочайшимъ указомъ въ томъ-же году, Кременчугскую губернію *) перевесть въ бывшую Половицу и назвать губерніею Екатеринославскою; что и учинено въ скорѣ. Въ каковомъ событіи, при таковыхъ важныхъ и рѣдкихъ встрѣтившихся тогда обстоятельствахъ, благословенная наша страна и доселѣ еще благоденствуетъ и покоится подъ покровительствомъ милосердаго отца, всеавгустѣйшаго

*) Кременчугской губерніи не было, но была Новороссійская, коея главное управленіе находилось въ Кременчугѣ: отъ чего сей городъ и считался губернскимъ, по актамъ не бывши таковымъ. По упраздненіи Новороссійской губерніи, въ одно время съ упраздненіемъ Азовской, когда двѣ сіи губерніи слились въ такъ называемую Екатеринославскую, съ учрежденіемъ губернскаго города Екатеринослава, на Днѣпрѣ, въ то время Кременчугъ, упразднившись отъ сказанныхъ начальствъ, губернскихъ помѣщеній, перессталъ и называться губернскимъ. Городъ Екатеринославъ хотя учрежденъ уже былъ повелѣніемъ Государыни Императрицы, не скоро однако могъ быть построенъ: посему, между тѣмъ, какъ строился, губернское начальство выведенное изъ Кременчуга помѣщалось въ мѣстечкѣ Новые-Кодаки, которое по этому и было въ цвѣтущемъ состояніи, имѣвъ не мало и церквей. Нынѣ Кодаки въ самобѣднѣйшемъ состояніи, тѣмъ худшемъ, что, вмѣсто травы, росшей прежде во кругъ его, обсыпался нынѣ весь пескомъ.

Императора нашего Николая Павловича, четвертаго уже послѣ Императрицы Самодержца. — Жители бывшіе досель въ Половицѣ, всѣ разошлись по другимъ селеніямъ на жительство, по предоставленной имъ указомъ волѣ, куда кто пожелаетъ; изъ нихъ одна большая часть переселилась въ Сухачевку, а другая меньшая часть, перешла въ Мандриковку, въ коей тогда только одинъ козакъ сидѣлъ зимовникомъ и занимался большею частію рыбною ловлею въ Днѣпрѣ. По прозванію Мандрики, около него поселившіеся Половицкіе жители, назвали селеніе свое Мандриковкою. Теперь возвратимся опять къ прежней матеріи.—На той самой горѣ, гдѣ заложенъ соборъ, и гдѣ была полковая церковь, какъ выше сказали, начиная отъ того самаго мѣста, до нынѣшняго архіерейскаго дома и даже за богадѣльню, по всему пространству онаго взгорья, устроены были до прибытія еще туда Императрицы, прекрасные походные домы, изъ палатокъ, богато убранные и раскрашенные живописью и разными мебелями, однимъ богатымъ Кременчугскимъ купцомъ Фалѣевымъ, по совѣту свѣтлѣйшаго князя Потемкина, съ тѣмъ намѣреніемъ, что Императрица, по заложеніи церкви и по окончаніи церемоніала, будетъ непремѣнно кушать въ тѣхъ домахъ и опочивать, однакожъ Императрица поглядѣла только на нихъ издали. О семъ ниже пояснено будетъ, а упомянемъ прежде нѣсколько о Фа-

лѣвѣ. Сей знаменитый купецъ по безчисленному своему богатству и милліонному капиталу былъ поставщикомъ или подрядчикомъ всѣхъ казенныхъ запасовъ и провіянта на всю Россійскую армію; а также содержалъ не только разные заводы литейные, селитренные, пороховые и проч., но и всѣ фабрики, разныя мануфактуры безъ изъятія, во всей Россіи, были подъ его протекціею. А сверхъ того онъ занимался виннымъ откупомъ почти во всѣхъ губерніяхъ Россіи, Малороссіи и Новороссіи; словомъ богатѣйшаго человѣка въ тѣ времена почти ни гдѣ не было изъ числа Россійскаго купечества.—Потомъ, когда уже флотъ Императрицы, по данному прежнему повелѣнію, изъ Новыхъ-Кодакъ двинулся и началъ приближаться Днѣпромъ противу самаго того мѣста, гдѣ было заложеніе соборной церкви, то Императрица увидѣвши оный пустившійся низомъ по Днѣпру, оставивши всѣ прочія дальности и предпріятія, по окончаніи бывшаго церемоніала поспѣшила и сама къ порогамъ, дабы увидѣть, какъ будутъ спущать царскій ея флотъ, чрезъ пороги, и потомъ сѣвши въ карету изволила уѣхать въ Ненасытецъ, гдѣ изволила кушать и опочивать, доколѣ флотъ подоспѣлъ къ порогамъ. Когда-же начали спущать первое ея царское судно чрезъ пороги, на коемъ суднѣ сидѣлъ тогда кормчій нашъ, вышеупомянутый Полторацкій, и когда бросилось оно обычно съ пороговъ въ бездну водную, съ страшнымъ шу-

момъ, то Императрицѣ показалось, съ горы, что оно въ пенящихся волнахъ и глубокой пучинѣ на вѣки погрязло и погибло невозвратно, тогда Она очень скорбѣла и печалилась не за судномъ, а за людьми страждущими и жизнь свою потерявшими; но когда Ей свѣтлѣйшимъ было донесено, что судно цѣло и чрезъ пороги прошло безъ вреда, да и всѣ суда царскіе перешли чрезъ пороги благополучно и люди всѣ живы, и стоятъ у пристани, ожидая царскаго Ея повелѣнія. Тогда Императрица чрезвычайно обрадовалась о таковомъ извѣстіи, и тотчасъ приказала свѣтлѣйшему представить къ ней того самаго лоцмана, который первымъ ея судномъ управлялъ, и когда лоцманъ явился, то она сама спросила его: ты-ли Полторацкій, отаманъ надъ лоцманами?—Тогда Полторацкій палъ на колѣни і отвѣчалъ Ей: я тотъ самый, о коемъ Вы изволили спрашивать. Потомъ сказала Императрица: жалую тебя Полторацкій, за твою вѣрную услугу поручикомъ. Есть-ли у тебя дѣти? продолжала Императрица. — Есть Ваше Императорское Величество! одинъ сынъ 13 лѣтъ, сказалъ Полторацкій. Потомъ Императрица и сына его изволила пожаловать прапорщикомъ и обѣщала прислать имъ грамматы на чины и на дворянство всему ихъ потомству. Когда наконецъ весь флотъ царскій пошелъ водою, внизъ по Днѣпру, до Херсона, тогда Императрица изволила уже далѣе путешествовать сухопутьемъ, куда

Ей заблагоразсудилось. Дворецъ-же царскій оставшійся въ Новыхъ-Кодакахъ, наполненъ былъ по повелѣнію свѣтлѣйшаго, чулошными фабрикантами, переведенными изъ Бѣлорусіи и изъ мѣстечка Дубровнаго; тутъ фабриканты жили дотолѣ, пока въ Екатеринославѣ устроены были новыя фабрики, и перешедши въ оныя, разобрали и дворецъ царскій, на постройку тѣхъ-же фабрикъ. Въ Екатеринославѣ первымъ губернаторомъ былъ Синельниковъ, а по немъ Селецкій; жили они повременно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ домъ архіерейскій, ибо домъ этотъ былъ казенный и существовалъ еще до прибытія Императрицы. Свѣтлѣйшаго-же князя Потемкина домы выстроены были по проѣздѣ Императрицы; прежде вырыты были рвы *) на фундаментъ, выше нововыстроившейся нынѣ церкви, возлѣ нынѣшнихъ солдатскихъ лазаретовъ, въ тѣ поры, я когда свѣтлѣйшій былъ еще въ Екатеринославѣ съ Императрицею, а по проѣздѣ ея предписалъ, чтобы строить домы его, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ они стоятъ. Тутъ былъ посѣянъ тогда мой ячмень, и еще не собранъ былъ, какъ начали каменщики размѣрять на фундаментъ, и мы съ Глобою оставивши свое жилище и садъ нами заведенный удалились оттуда, по своимъ мѣстамъ. Потемкинъ въ своихъ домахъ почти никогда не былъ, до кончины

---

*) Рвы сіи дѣйствительно и теперь тутъ видны.

своей. Кирпичь-же, на строеніе тѣхъ свѣтлѣйшаго домовъ, привозили изъ Кіева лодками по Днѣпру, а присланные Императрицею изъ Петербурга, на другой-же годъ, золотыя паникадила, дорогія лампады и занавѣси, для новостроющейся соборной церкви, висѣли уже потомъ въ домахъ свѣтлѣйшаго.

X.

О РАДУТАХЪ И ФИГУРАХЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ.

Хотя намъ уже и извѣстны Запорожскія границы, бывшія тогда съ обѣихъ сторонъ Днѣпра, гдѣ начинались и гдѣ кончались, какъ выше сказано, но неизвѣстны радуты и фигуры, кои устроены были по ту сторону Днѣпра, отъ сѣверо-восточной гетманской стороны, начиная отъ устья Орѣли, по самую Конку рѣку. Скрозь по надъ самымъ Днѣпромъ, около воды, построены были родъ уѣздныхъ дворовъ и назывались радутами, которыя радуты одна отъ другой были въ 10, 20 и 30 верстахъ, судя по мѣстоположеніямъ открытыхъ и закрытыхъ мѣстъ, дабы одна другую могла видѣть. Всякаго радута строеніе было пространное, подобно казармѣ или Сѣчевымъ куринямъ, безъ чулановъ и перегородокъ, съ сѣньми и одною чрезъ сѣни коморкою для поклажи, покрыты были обычнымъ

тесомъ, а иногда и камышомъ, обведенъ былъ радутъ пространнымъ дворомъ и деревяннымъ заборомъ, въ срединѣ съ конюшнями для пріѣзжихъ лошадей; по сему и всѣ радуты были устроены такимъ-же фасономъ. Въ сихъ радутахъ жили козаки гетманскіе, у коихъ шапки были четвероугольныя съ длинными рожками, а иногда и Запорожскіе, всегда безотлучно находились въ радутѣ по 50 человѣкъ, перемѣняясь ежегодно. Сіи козаки назначались для бекетовъ и разъѣздовъ на счетъ непріятеля. Около каждаго изъ вышепоказанныхъ радутовъ двора, построены были фигуры, чуднымъ и удивительнымъ манеромъ, разстояніемъ отъ радута въ полъ или въ четверть версты, но не ближе, для осторожности отъ огня. Каждую фигуру строили они изъ 20 бочекъ смоляныхъ, такимъ образомъ: прежде съ самаго начала начинали основаніе фигуры или фундаментъ на 6 бочкахъ, кои переворотивши всѣ, на сторчь, ставили ихъ на землю упитанную смолою, плотно кругло, одну возлѣ другой, родомъ кучки гетманской, коею обгораживали деревья на шляхахъ, или на подобіе самаго большаго винокурнаго чана, такъ, чтобы въ срединѣ онаго бочковаго циркуля, было пустопорожжее мѣсто. Связывали сей циркуль или шаръ бочекъ стоящій на землѣ, самымъ искуснѣйшимъ и прочнымъ образомъ толстыми смоляными канатами; но не забудемъ припомнить и того, что всѣ 20

бочекъ, изъ коихъ начинаютъ строить фигуру, были бездонныя каждая въ горѣ имѣла только по одному дну, на исподѣ, съ нижняго края; потомъ на тотъ-же самый нижній бочковый циркуль, ставили другой шаръ или сводъ изъ 5 уже бочекъ, такимъ-же образомъ и способомъ, какъ и первый, а за симъ сводомъ выше третій шаръ ставили изъ 4 бочекъ, за третьимъ еще выше укрѣпляли четвертый шаръ изъ 3 бочекъ, а также и на четвертомъ сводѣ ставили еще 2 бочки все въ гору, дважды, пока мѣсто оставалось на одну только бочку въ верху, то сія послѣдняя бочка была чуднѣе и бѣднѣе всѣхъ двадцатеричнаго числа бочекъ, по той причинѣ, что всѣ бочки имѣли по-крайней-мѣрѣ по одному дну, для собственнаго названія бочекъ, а сія послѣдняя неимѣла ни одного, а только обтянута была обручами; а потому и имени бочки, по недостаткамъ своимъ, не заслуживала, обаче низкостію своею превышала всѣхъ прочихъ, и поставляли оную на самомъ верху двухъ бочекъ, вмѣсто купола, какъ маковку, а чрезъ сіе самое и прочія уже бочки получали свое желаемое достоинство и совершенный видъ фигуры. Но для чего она выстроена?—Любопытство потерпитъ, а мы еще прибавимъ на счетъ ея. Въ сей фигурѣ, на самомъ верху, въ бездонной бочкѣ вдѣлана была перекладина, думать надобно желѣзная, какъ разъ посрединѣ бочки, въ верху съ блокомъ, и

навѣшенъ былъ на оную перекладину шнуръ, такъ длинный, что оба концы его лежали на землѣ. Одинъ конецъ висѣлъ на дворъ спущенъ по фигурѣ свободнымъ, а другой конецъ шнура опущенъ былъ въ средину фигуры, по коему концу, сажня на полтора, привязанъ былъ и дротъ желѣзный съ великимъ пучкомъ мочулы, вареной въ селитрѣ; сей селитренный пучокъ висѣлъ въ фигурѣ дотолѣ, пока надобность укажетъ. Но еще не все, надобно потерпѣть. Въ каждомъ радутѣ, надъ гетманскими козаками устроенъ былъ начальникъ, по ихнему есаулъ, который командовалъ надъ ними и дѣлалъ распоряженіе, такъ, чтобы у фигуры безсмѣнно были часовые, два или три человѣка, а изъ прочихъ козаковъ дѣлалъ, бекеты и отряды для разъѣздовъ. Козаки обмундированы были самою лучшею гетманскою амуниціею, при всемъ военномъ оружіи, какъ-то: мушкетъ, ратище, сабля и четыре пистоля. Отряды составлялись изъ 5, 10 и болѣе козаковъ, кои разъѣзжали на верховыхъ уборныхъ лошадяхъ отъ радута до радута, по своихъ станціяхъ, а также и на степахъ, гдѣ жатвы и покосъ бываетъ; а иные проѣзжали до самой границы и высматривали непріятеля, съ которой стороны появится. Ибо въ тогдашнія времена Ногайцы и Крымскіе Татары сильно безпокоили Запорожцевъ и Гетманцевъ, (по той-то причинѣ и гетманъ дѣлалъ вспоможеніе Запорожцамъ своими козаками), такъ,

что собравшись въ одно мѣсто великими толпами, дѣлали набѣги, захвачивали скотъ и овцы, грабили и убивали людей, разоряли слободы и зимовники, и отводили многихъ въ плѣнъ. А потому-то наши отряды и бекеты, если увидятъ бывало гдѣ нибудь, приближающуюся орду къ предѣламъ Запорожскимъ и Гетманскимъ, то тотчасъ, въ туже минуту, верховые козаки бѣжатъ во всю прыть къ ближайшимъ радутамъ и даютъ знать, что непріятель близко и тогда уже есаулъ скачекъ съ козаками къ фигурѣ и зажигаетъ оную посредствомъ вышепрописаннаго фитиля живо, и когда разгорится, то и прочимъ радутамъ даютъ чрезъ сіе знать. И такъ въ одно время и въ одинъ почти день всѣ фигуры по радутамъ разгораются и даютъ всѣмъ жителямъ осторожность, кои въ степяхъ и въ лѣсахъ и на плавняхъ занимаются разными своими работами, дабы уходили со скотомъ своимъ въ слободы и спасали-бы жизнь свою. Потомъ уже и всѣ полки Запорожскіе, стоящіе по Паланкамъ, для запасу собираются вмѣстѣ; дѣлаютъ сраженіе и побѣждаютъ непріятеля и выгоняютъ его изъ своихъ предѣловъ. Вотъ для чего устроены радуты и фигуры. Изъ числа ихъ одинъ радутъ и фигура устроены были за Днѣпромъ, противу самыхъ Новыхъ-Кодакъ, и если кому заблагоугодно будетъ изъ читателей сего моего описанія, то я (говоритъ Коржъ) пока

еще живъ, приведу на самое то мѣсто, и покажу гдѣ была оная фигура и смоляныя знаки.

Еще слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на счетъ хищныхъ поступковъ непріятелей, въ малыхъ ихъ шайкахъ бываемыхъ, а тутъ-же вмѣстѣ противу того и осторожности Запорожскихъ бекетныхъ козаковъ.

1-е). Дикіе Ногайцы подобны были тогда хищнымъ дикимъ птицамъ, высоко въ гору возносящимся, кои для того въ гору единственно подымаются, дабы скорѣй увидѣть свою добычу и насытить жадную утробу. Такъ и они, дабы наполнить свои кровожаждущія руки грабежемъ и убійствомъ, всегда въ обычаѣ ихъ было, въѣзжаютъ прежде верховыми лошадьми на высокія могилы, или курганы, по 6 и по 10 человѣкъ вмѣстѣ, кучами, и въѣхавши на оныя разсматриваютъ, гдѣ пасутся стада, и гдѣ находятся люди въ работѣ; тогда уже нападаютъ на людей, берутъ въ плѣнъ и грабятъ скотъ. И сіи набѣги весьма часты бывали отъ малыхъ воровскихъ ихъ шаекъ, въ коихъ не болѣе ихъ бывало, какъ отъ 10 до 20 человѣкъ, на отборныхъ и испытанныхъ лошадяхъ, и притомъ вкрадывались малыми шайками для того, чтобы и уйтить можно было удобнѣе въ неудачномъ случаѣ.

2-е). Равнымъ образомъ и Запорожскіе бекетные козаки, въ осторожность свою употребляли тѣ-же могилы и курганы, въѣзжая на

оныя, могли усматривать въ далекѣ непріятельскія Ногайскія шайки. Но по всѣмъ радутамъ отданы были приказы, чтобы изъ числа разъѣздныхъ бекетныхъ козаковъ, всегда одинъ только въѣзжалъ на могилу, а не 2, 5 и 10, какъ Ногайцы, которые въѣзжали на могилу кучею, дабы народъ Запорожскій бываемый въ степяхъ, могъ имѣть различіе между непріятелемъ и своими козаками, о чемъ было и объявлено всему народу, по всѣмъ паланкамъ, зимовникамъ и слободамъ, и чрезъ то самое и выигрышъ получали часто; потому, что увидя непріятеля, имѣли осторожность: собиралисъ въ кучи по знакамъ, дѣлали таборы изъ возовъ и соединенными силами поражали непріятеля изъ ружьевъ, а часто и въ плѣнъ ихъ захватывали. Ибо всякій поселянинъ, ѣдучи въ степь, всегда имѣлъ для запасу, въ возѣ, мушкетъ, а Ногайцы стрѣляли только изъ луковъ, ружей-же у нихъ не было; и когда выкидаютъ стрѣлы, то тогда остаются пасы.

Однако о Ногайцахъ, и бывшихъ съ ними произшествіяхъ, я не токмо слышатель, но почти очевидный свидѣтель.

XI.

О СТАРОДРЕВНИХЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ СЕЛЕНІЯХЪ, БЫВШИХЪ ЕЩЕ ДО АТАКОВАНІЯ СѢЧИ.

Начнемъ прежде отъ Старыхъ-Кодакъ, вверхъ по Днѣпру.

1-е селеніе Старый-Кодакъ, имѣло свое титло до прибытія еще въ сію украйну древнихъ Запорожцевъ, кои назывались «Козарами» *). Сей Кодакъ былъ городомъ и находился подъ Польскою державою, въ немъ была устроена знатная побережная крѣпость, обведенная глубокимъ рвомъ и высокимъ землянымъ валомъ съ подземными воротами. На сихъ мѣстахъ и доселѣ еще зрятся знаки развалинъ и бывшихъ канавъ. Въ сей крѣпости жилъ нѣкогда Польскій князекъ, въ родѣ коменданта и командовалъ симъ участкомъ земли, населенной Поляками, начиная отъ нынѣшней Польской границы, по Днѣпру, до границы Турецкой, къ великому лиману примыкающейся, гдѣ нынѣ Херсонъ и Николаевъ. Все это пространство земли было Польское: завидный кусокъ и выгодный кутокъ.

---

*) Старый-Койдакъ равно какъ и Новый стоялъ на одномъ и томъ-же берегу Днѣпра въ разстояніи одинъ отъ другаго верстъ около десяти. Между ними расположенъ нынѣшній Екатеринославъ. Въ Старомъ-Кодакѣ слѣды описываемой земляной крѣпости и теперь еще видны. Тутъ указываютъ одинъ не малой величины камень, на которомъ бесѣдовалъ, якобы, Петръ Великій.

Вышедшіе-же Козары, по пересказамъ, изъ за Кіева, подъ предводительствомъ тогда главнаго ихъ полководца Кошеваго Германа, съ великою силою народа, сѣвши по ту сторону Днѣпра отъ сѣверо-восточной стороны, сдѣлались князьку Польскому очень близкими сосѣдями. Здѣсь-то Германъ Кошевый видя для себя и для команды своей, на счетъ постояннаго жительства, тѣсное мѣсто, и притомъ имѣя въ виду и другія намѣренія и будущія предположенія по обычному и удачному своему форсу, раздѣлилъ всю свою команду на три части: первую водворилъ въ сосѣдствѣ помянутаго князька; вторую поселилъ надъ Дономъ, а третью — изъ отборныхъ храбрыхъ Козаровъ, выбранную около 15,000 войска, взялъ съ собою и пошелъ прямо къ Сибири и всю оную дикую страну въ продолженіи не такъ долгаго времени, разными способами и удачными случаями, покорилъ и присоединилъ къ державѣ Россійскихъ Самодержцевъ. А потому уже изъ первой части Казаровъ оставшихся на жительствѣ у Днѣпровыхъ пороговъ, получившихъ отъ нихъ названіе (какъ выше сказали) произошли и всѣ приснословутые Запорожцы *). И отъ умноженія своего часъ отъ часу тѣснились долго своимъ участкомъ земли, даннымъ

---

*) Все это Коржево преданіе очень темно здѣсь, намѣкаетъ что-то на завоеваніе Ермакомъ Сибири, и занятіе Днѣпровскихъ острововъ Евстаѳіемъ Дашкевичемъ и Предиславомъ Ланцкоронскимъ, а далѣе, на Богдана Хмѣльницкаго.

имъ отъ Германа. Потомъ король Польскій жившій сначала съ Запорожцами въ дружбѣ, подарилъ по прозьбѣ ихъ всю область Кодацкаго князька и предписалъ указомъ, дабы Поляки переселились въ другое мѣсто; а Запорожцамъ по ихъ крайней нуждѣ уступили-бы всю свою шляхетскую дѣдичну. Но Польскій старшина, бывшій тогда съ князькомъ въ Кодакахъ, послѣдовавшій отъ короля указъ утаилъ и не хотѣлъ уступить Запорожцамъ своей кровной и наслѣдственной осѣдлости; Запорожцы-же сугубою своею докукою Королю, вынудили у него чудное и мудреное словцо, или лучше сказать обоюдное, и въ отношеніи обѣихъ сторонъ гибельное, какъ видѣли мы въ послѣдствіи времени на счетъ потери Сѣчи и всего рушившагося Запорожья. Ибо по пословицѣ: ища чужаго свое потеряешъ. Вотъ словцо королевское, сказанное Запорожцамъ: попужните ихъ хорошенько оттуда, если они т. е. Поляки, нехотятъ добровольно уступить вамъ земли своей! — И какъ начали пугать Поляковъ, Запорожцы, то послѣ и король нерадъ былъ своему выпущенному изъ рта слову; и вмѣсто прежней дружбы слѣлались непримиримыми врагами: ибо Запорожцы 7 лѣтъ Поляковъ душили, драли, грабили и убивали, и до тѣхъ поръ ихъ тѣснили, пока Поляки совершенно имъ уступили мѣсто и были прогнаны до самой бывшей границы, по рѣку Случь. По этому случаю и городъ Кодаки оставался уже

въ Запорожскомъ владѣніи, да и нынѣ существуетъ и славится древностію своего названія, и оставшеюся Запорожскою рукою.

2-е селеніе Лоцманская-Камянка, получившее званіе отъ прозывавшагося козака Лоцмана, который сидѣлъ на томъ мѣстѣ зимовникомъ и занимался рыбною ловлею, также славился искусствомъ по части водоплавныхъ судовъ, мимо каменныхъ утесовъ и пороговъ въ Днѣпрѣ.

3-е селеніе Половица, о коей выше уже объяснили.

4-е селеніе Діевка отъ козака Дея изъ Новыхъ-Кодакъ первоначально выселившагося на оное мѣсто, отъ него и селеніе получило свое названіе.

5-е Новые-Кодаки, мѣстечко сіе любезная моя родина, говоритъ Коржъ, существовало еще и во время Польскаго владѣнія (какъ выше сказали при описаніи Стараго-Кодака) а потомъ, когда онымъ завладѣли Запорожцы, то оно отъ случившагося въ немъ пожара обратилось въ пепелъ. До сгорѣнія-же выстроена была въ немъ церковь небольшая, деревянная, стараніемъ Запорожцевъ, покрытая соломою и камышемъ. Послѣ того, какъ церковь, такъ и все оное мѣстечко вновь было выстроено и названъ былъ городъ Новые-Кодаки. Въ немъ построена была и крѣпость удивительною и чудною архитектурою Запорожскою, и именно: весь городъ обведенъ былъ обычною глубокою канавою и острыми рогат-

ками, въ двѣ лавы, на сажень отъ канавы. Въ семъ городѣ было три башни деревянныя, чрезвычайно искусно сдѣланныя: 1-я внизъ по Днѣпру, 2-я въ гору Днѣпра, а 3-я на полдень; надъ канавою вокругъ города устроенъ былъ земляный валъ, хотя и обыкновенной величины и высоты, но съ четырмя раскатами по угламъ города, на коихъ были утверждены пушки, а притомъ, на самомъ верху онаго вала поставлены были вокругъ лозовые, выплетенные кошели и насыпанные землею до верха, наподобіе маковки. Сіи кошели плетены были внизу очень узко не шире аршина, а вышиною въ гору и въ горѣ шириною косоваго сажня, и ставляли ихъ по валу одинъ возлѣ другаго, такъ плотно, чтобы верхніе краи кошелей сходились вмѣстѣ, или сцеплялись одинъ съ другимъ, а нижніе краи утверждали на валу; и такъ сей кругъ или циркуль, стоящій на валу вокругъ города, казался издали наподобіе вѣнца съ коронами. Сіи кошели подѣланы были на счетъ защиты противу непріятеля, такъ напр. если подступившій подъ городъ непріятель начнетъ бросать пули въ городъ и мѣтить прямо на бекетныхъ часовыхъ, на валу для защиты находящихся, то пули его остаются, ударяясь о земляные кошели, не дѣйствительными, и часовыхъ повредить никогда не могутъ; они-же сидя, лежа за кошелями (какъ въ Бендерахъ за стѣнами) будучи невредимы, безъ нуждно уже изъ своихъ оружій, въ щели или

въ окошка, между кошелями внизу находящіяся, поражаютъ непріятеля. Сія хитрая диковинка, хитрыми Запорожскими козаками выдуманная, была почти первая тогда, между всѣми, какъ нашими, такъ и непріятельскими крѣпостями самымъ искуснѣйшимъ образомъ состроенная. Въ то время какъ оная крѣпость была строена, я (Коржъ) пріѣхавши изъ Сѣчи въ Новые-Кодаки по надобности, и видя що люди роблятъ, зробивъ и соби для памяти, собственными руками два кошели, и отвизши волами на мисто, поставивъ якъ треба и насыпавъ землею. Чудно и удивительно, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было такое огромное зданіе, да и не такъ еще въ давнее время, едва уже и слѣды онаго видны.

6-е селеніе Сухочавка, названіе получило отъ одного козака, прозваніемъ Сухача, который имѣлъ на томъ мѣстѣ зимовникъ и былъ первый основатель онаго селенія во время Запорожья.

7-е селеніе Тарамское, названіе получило отъ того, что оно было поселено надъ самымъ Днѣпромъ, у берега, и имѣя мѣстоположеніе, или грунтъ земли каменный, скелистый и весьма скучный, труской и безпокойный для проѣзжихъ людей путь такъ, что когда повозкою кто ѣдетъ, то безпрестанный и сильный производитъ стукъ, и будтобы, какъ простые люди говорятъ «тартотитъ», отъ чего и Тарамское прозвано.

8-е селеніе Карнауховка, прозвано отъ козака Карнауха, сидѣвшаго нѣкогда тамъ зи-

мовникомъ, со скотоводствомъ и со всею худобою.

9-е селеніе Тритузное, тоже получило названіе отъ козака, сидѣвшаго тамъ зимовникомъ и прозывавшагося Тритузнымъ, который былъ первоначально основателемъ онаго селенія.

10-е селеніе Камянское, названо отъ козака, прозваніемъ Камянскаго, который имѣлъ тамъ зимовникъ и былъ осадчимъ онаго селенія.

11-е селеніе Романково, названіе получило не отъ прозванія козака, но отъ имени его Романа, который имѣлъ на томъ мѣстѣ зимовникъ и скотоводство, а также и хлѣбопашество, коимъ и всѣ козаки, вышесказанные осадчіе, занимались большею частію занимались рыбною ловлею, въ отношеніи хорошихъ и выгодныхъ мѣстоположеній и ставокъ, скрозь по надъ Днѣпромъ въ гору и въ низъ онаго простирающихся, и гораздо въ большемъ количествѣ, тогда изобиловавшихъ разнородною рыбою, чемъ въ нынѣшнія времена.

12-е. Теперь перейдемъ отъ полуденно-западной стороны къ сѣверо-восточной и скажемъ какія были стародревнія селенія по ту сторону Днѣпра, и во первыхъ начнемъ отъ Самари.

Сіе знатное селеніе получило названіе отъ рѣки Самарь. Оно въ древности и отъ славнаго Запорожья славилось, да и нынѣ славится сугубо, по причинѣ тройственнаго названія, во имя святыя Тройцы храма, въ немъ нынѣ суще-

ствующаго. Первое названіе и имя Самары было отъ населившагося первоначально Запорожскаго народа надъ рѣчкою Самарью. Второе названіе получило себѣ послѣ атакованія Сѣчи, когда люди изъ Гетманщины и изъ Россіи начали приходить въ сію украину и поселились вновь по рѣчкѣ Самарѣ въ довольномъ количествѣ, тогда Самарь переименована была Новоселицею; а третье названіе получило оно отъ устроенія въ немъ уѣзда, за бывшей Кременчугской губерніи, во время устроенія Новороссійска въ Половицѣ, предъ путешествіемъ Государыни Екатерины, какъ выше сказали, и названо городомъ Новомосковскимъ.

Около мѣстечка Самари издревле устроенъ былъ и монастырь общежительный, тѣми-же Запорожцами, который и до сихъ поръ существуетъ. Въ немъ тогда было монашествующихъ около 20 человѣкъ, и населились туда оные изъ Сѣчи, а посвященіе и производство въ іеромонахи и во іеродіаконы получали въ Кіевской Лаврѣ, какъ и Сѣчевые монашествующіе, жили изъ подаянія очень достаточно. Церковь была деревянная, ризницею и церковною утварью чрезвычайно богатая; храмъ былъ Святителя Николая Чудотворца, отчего и названъ монастырь Самарскимъ-Николаевскимъ. Вмѣсто настоятелей были въ немъ всегда попеременно строители изъ тѣхъ-же іеромонаховъ. Народъ Запорожскій имѣлъ осо-

бенное почтеніе и уваженіе къ монашествующимъ, и приходилъ великими толпами въ монастырь, какъ для поклоненія Николаю Чудотворцу, такъ и для назиданія душевнаго, отъ слышанія слова Божія, ежедневно въ церкви проповѣдуемаго, а особливо въ нарочитые праздники и годовые посты, въ кои они говѣли и исповѣдывались по христіанскому обряду и принимаемы были отъ монашествующихъ чинно и страннолюбиво, съ особеннымъ пустынно-служительскимъ угощеніемъ, на каковый пріемъ и витальницы т. е. гостепріимные домы устроены были совсѣми въ нихъ для поклонниковъ довлѣемыми потребностями; и въ сіе-то особенное и роковое время были чрезвычайные для монастыря доходы и подаянія монашествующимъ.

13-е селеніе отъ Самаря вверхъ по Днѣпру Старожилая Камянка, противу Новыхъ-Кодакъ, къ коей жилъ первый основатель оной, Каменскій, отъ коего она и названіе свое получила.

14-е селеніе Петриковка, названіе получила также отъ перваго поселившагося тамъ козака Петрика, занимавшагося въ зимовникѣ обычнымъ своимъ хозяйствомъ.

15-е селеніе Могилевъ, получило названіе свое отъ козака Могилы, сидѣвшаго тамъ зимовникомъ и бывшаго первоначально основателемъ онаго селенія.

Отсюда возвратимся назадъ, не по Днѣпру однакожъ, но по рѣчкѣ Орели, тоже въ гору.

16-е селеніе Гупаловка, получила названіе отъ козака Гупала, который былъ первый житель въ семъ селеніи и сидѣлъ первоначально тамъ зимовникомъ.

17-е селеніе Перещепина, на большомъ шляху, пограничное мѣсто съ Полтавскою нынѣ губерніею и конечное Екатеринославской губерніи селеніе, а равно и въ старину между Гетманщиною и Запорожскою землею, также пограничное урочище сіе было, и будто-бы перещепивало т. е. раздѣляло Гетманщину отъ Запорожья; на семъ мѣстѣ поселившійся первый козакъ основатель сего селенія, прозванъ по шуточному Запорожскому обычаю Перещепою, отъ коего и село Перещепина ведетъ свое названіе. Вотъ и всѣ стародревнія Запорожскія селенія, бывшія еще до атакованія Сѣчи. А на прочихъ мѣстахъ, во всѣхъ Запорожскихъ владѣніяхъ, были одни только зимовники, хутора и шалаши козацкіе, какъ и у кочующихъ Ногайцевъ, ибо всѣ вообще безъ изъятія пастухи, скитавшіеся по пространнымъ степямъ Запорожскимъ, какъ-то: табунщики, скотари и чобаны вели жизнь по шалашамъ кучующую и называли оныя кошами, какъ выше сказано при описаніи ихъ обычаевъ, а о селеніяхъ, также и о святыхъ церквахъ почти у нихъ и думки не было, или лучше сказать и понятія не имѣли, по той причинѣ, что со всѣхъ сихъ вышесказанныхъ нами 17 селеній, были

только церкви въ 6 селеніяхъ , кромѣ Сѣчи и монастырей, а именно : 1-я въ Старомъ-Кодакѣ, 2-я въ Новомъ-Кодакѣ, 3-я въ Самари, 4-я въ Карнауховкѣ, 5-я въ Романовкѣ и 6-я въ Могилевѣ ; а всѣхъ церквей съ монастырскими и Сѣчевою было во всемъ обширномъ пространствѣ Запорожскаго владѣнія только девять.

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.